

БЕСТСЕЛЛЕР #1 AMAZON И USA TODAY

ЭКСТУМАЦИЯ

ДАНИЭЛЬ
ЖИРАР

Скальпель. Медицинский триллер

Даниэль Жирар

Эксгумация

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Жирар Д.

Эксгумация / Д. Жирар — «Эксмо», 2016 — (Скальпель.
Медицинский триллер)

ISBN 978-5-04-159778-8

Доктор Анна Шварцман – блестящий судебно-медицинский эксперт департамента полиции Сан-Франциско. Ее работа – выяснять правду о последних мгновениях жизни потерпевших, которую мертвые уже не расскажут сами. Представьте, что встречаете человека, похожего на вас как две капли воды. Более того: он одет так же, как вы, а его квартира – едва ли не точная копия вашей. Немного жуткое ощущение... Теперь представьте, что вы – судмедэксперт, а ваш двойник – то самое тело, на осмотр которого вы приехали. Тихий, невообразимый ужас. Именно это испытала доктор Анна Шварцман во время вызова на труп: убитая имеет такие же черты лица, волосы, рост... и даже кулон на ее шее точно такой же, как у Анны. Но главное – внезапное осознание: все это лишь начало, и худший кошмар еще впереди...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-159778-8

© Жирар Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

1	6
2	9
3	15
4	23
5	32
6	38
7	40
8	47
9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Даниэль Жирар

Экстумация

Посвящается Рэндлу – первому читателю, рассказчику, рок-звезде

Danielle Girard

EXHUME

Text copyright © 2016 Danielle Girard

Copyright © Mecob Design Ltd

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Сан-Франциско, Калифорния

Доктор Аннабель – или Анна – Шварцман работала полукруглой шовной иглой номер пять, какой обычно пользуются в ортопедической хирургии. Сжав вместе края Y-образного разреза, сделанного часом ранее, она начала зашивать грудь жертвы. Грудная клетка и туловище были сильно обожжены, от огня кожа сделалась хрупкой. Поскольку открытый гроб не предполагался, для закрытия разреза стандартный протокол предписывал использование скоб.

Шварцман предпочитала швы. Скобы были эффективны, но казались слишком грубыми. Швы накладывались медленнее, и она наслаждалась этими последними минутами работы с жертвой – что давало ей возможность полностью осознать смерть перед разговором со следователем.

И напряжение, и удовлетворение от работы судебно-медицинского эксперта заключались в том, что вы – последний голос жертвы. Именно Шварцман имела доступ к телу. Именно она определяла, наступила смерть по естественной причине или по какой-то иной. Это была напряженная, неторопливая работа, необходимая для того, чтобы изучить все части головок, которую требовалось собрать воедино, и на нее порой уходили многие часы.

На медицинском факультете многие ее однокурсники выбрали специальности, предполагавшие общение с живыми пациентами: гинекологию из-за радости рождения или педиатрию из любви к детям. Но и эти специальности также знали свои печали. Плод не всегда доживал до положенного срока. Дети заболевали и умирали.

Шварцман же общалась с пациентами самым интимным образом – проникая в их самые потаенные глубины, чтобы установить причину смерти. Многие сочли бы судебно-медицинскую экспертизу невозможным выбором. А для нее он был единственным. Люди выбирали медицину во имя героизма – лечения недугов, спасения жизней. В судебной медицине не было ничего героического. Лишь вопросы без ответов.

Верхний свет внезапно вырубился. Она помахала рукой, чтобы активировать датчик движения: после семи вечера свет автоматически выключался каждые десять минут. Прежде чем загореться, галогеновая лампа в углу сердито потрескивала – то вспыхивала, то гасла снова. В коридорах было темно, в комнате – тихо.

Некоторые судмедэксперты работали с громко включенной музыкой, но Шварцман предпочитала тишину – одна из причин, почему ей нравилось бывать в морге во внеурочные часы.

Она ехала домой после ужина с несколькими женщинами из полиции, когда позвонили из морга. Ее словно зарядили энергией, и она была готова к работе.

Шварцман поехала в морг не потому, что там ждала работа – работа ждала ее всегда. Что ей нравилось по-настоящему, так это пространство. Запах грейпфрутового лосьона, которым она пользовалась после мытья рук и перед тем, как надеть перчатки, уксусный запах чистых инструментов и стола.

Она всегда сначала чувствовала их запах – и лишь затем запах тела.

«Девичник» с коллегами из полиции дал ей возможность поговорить с инспектором отдела по расследованию убийств, Хейли Уайетт. Было интересно узнать ее за пределами мест преступлений, где они работали вместе. Шварцман удивилась самой себе, когда рассказала ей про Спенсера.

Как давно она этого не делала?

Мелани училась на последнем курсе медицинского факультета – семь с половиной лет назад, – и это был последний раз, когда Анна позволила себе сблизиться с кем-то.

Зазвонил мобильник. Пришла эсэмэска от Хейли.

Спасибо за компанию сегодня вечером. Увидимся завтра.

Шварцман улыбнулась. Она чувствовала их растущую близость. Они могут стать подружками.

Спенсер держал ее в изоляции, и не только пока они были женаты, но даже после того, как Анна сбежала от него. Он внушил ей, что он всегда рядом. Довериться кому-то – значит дать ключ, который может быть использован против нее.

Для нее было великим облегчением сказать правду – мужчина, которого она не видела более семи лет, неотвязно преследовал ее. Он убедил Шварцман, что ее мать в больнице. Сумел ускользнуть от службы безопасности в ее квартире и принести букет желтых цветов. Цвет, который Спенсер обожал, а она ненавидела.

Но он был глуп, полагая, что способен подобраться к ней.

Она работала в полиции. Этим букетом занялся лично Роджер Самперс – глава отдела по расследованию преступлений. Всего за шесть месяцев жизни в Сан-Франциско Шварцман почувствовала себя как дома. Здесь у нее впервые появилось собственное пространство. Она по-настоящему отвечала за свою работу. Это давало возможность уделять ей положенное внимание и добиться успехов в деле, которое она любила.

Анна была хорошим специалистом, и ее ценили. Ее поддерживали коллеги. У нее были... друзья. Нелепая мысль для тридцатишестилетней женщины, но вот она. Ей здесь понравилось.

Сиэтл всегда был перевалочным пунктом. Первый город вдали от Спенсера, место, где можно было перегруппироваться, завершить курс обучения. Сиэтл идеально подходил для того периода ее жизни.

Теперь она стала врачом и была готова начать карьеру, пустить корни на новом месте. Ей надоело оглядываться через плечо. Она была полна решимости остаться в Сан-Франциско, особенно после вечера, проведенного с этими женщинами.

Шварцман сделала последние записи и закончила работу. Она уже убирала тело обратно в холодильник, когда в кармане зазвонил телефон. Анна сняла перчатки и вытащила его из кармана лабораторного халата. *Хэл.*

– Ты – экстрасенс, – сказала она вместо приветствия.

– Правда? – ответил следователь отдела по расследованию убийств Хэл Харрис. За шесть месяцев совместной работы у них вошло в привычку слегка подтрунивать друг над другом, отчего ей нравилось работать вместе с ним. – Это почему?

– Я только что закончила работу с нашей обгоревшей жертвой.

– И?.. – спросил Хэл.

– Вскрытие показало массивную двустороннюю легочную тромбоэмболию с инфарктом легкого.

Хэл застонал:

– А теперь то же самое нормальным языком, Шварцман.

– Естественные причины. Он умер от массивных тромбов в легких.

– Чувак умирает естественной смертью, затем бросает сигарету в кровать и поджигает собственный дом?

Хэл умел подчеркнуть ироническую сторону их работы, но они всякий раз вздыхали с облегчением, если вскрытие показывало смерть по естественным причинам.

– Ага. Хочешь, чтобы я позвонила Хейли?

– Нет. Я сам ей скажу, – пообещал Хэл. – Ты готова еще к одному?

– Разумеется, – ответила Шварцман. Она всегда была готова взяться за что-то новое. С головой уйти в работу, посидеть дома наедине с книгой или посмотреть старый черно-белый фильм – обычно из тех, что нравились ее отцу, – это были лучшие ее моменты.

Теперь, когда Спенсер снова ее нашел, отвлекающие факторы сделались еще важнее. Телефонные звонки, жуткий букет желтых цветов за дверью ее квартиры...

Хуже всего было то, что никто в хорошо охраняемом здании не мог объяснить, как доставщик смог попасть на ее этаж. Семь лет и пять месяцев прошло с тех пор, как она ушла, но Спенсер до сих пор не сдается.

– Я сброшу адрес эсэмэской и пришлю фотографию, – сказал Хэл. – Я вышел из дома около пяти минут назад.

– Постараюсь уехать отсюда не позже чем через десять.

– Отлично, – сказал Хэл. – Скоро увидимся.

Она была готова завершить разговор, когда он сказал:

– Эй, Шварцман!

– Да?

– Ты хорошо поработала над тем последним.

Анна улыбнулась. Хэл любил похвалить своих коллег – ее, следователей, работавших на месте преступления, патрульных. Еще одно из его приятных качеств.

– Спасибо, Хэл.

Она закончила разговор, сняла лабораторный халат и повесила его в узкий шкафчик. Поменяв оранжевые «Кроксы», которые носила в лаборатории, на уличную обувь, собрала свой рабочий чемоданчик. Снова загудел телефон. Это пришел обещанный Хэлом адрес. Дважды нажав на иконку прикрепленного к сообщению фото, она дождалась, когда то загрузится. Вскоре картинка обрела четкость.

Женщина. Примерно ее возраста. Темные, волнистые волосы. Лежит на кровати. По коже Шварцман моментально пробежала дрожь, словно сейсмические толчки. Кто-то уже накрыл простыней ее ноги и живот, словно покойную нашли обнаженной; но над линией талии была видна тонкая полоска одежды. Если бы не бледность кожи, ее можно было бы принять за спящую.

В руках она держала небольшой букетик желтых цветов.

2

Сан-Франциско, Калифорния

Шварцман посмотрела на мигалку припаркованной у тротуара патрульной машины. Между вращающимися вспышками синего ей мерещились бесконечные желтые цветы. Как она ни старалась, у нее не получалось выбросить из головы найденное за дверью. Никакого предупреждающего звонка от консьержа. Звякнул лишь дверной звонок. И все.

В глазок Анна увидела пустой коридор. Затем открыла дверь и нашла возле двери огромный букет. Бледно- и ярко-желтые розы, каллы, фрезии, хризантемы.

Она сжала кулаки, пытаясь побороть страх.

Огни мигалок рисовали на светлом фасаде здания тени и подсвечивали синим цветом нижнюю часть листьев на невысоких дубках, высаженных вдоль бульвара, создавая впечатлительное подводного мира.

Чтобы не окоченеть на зябком ночном воздухе Сан-Франциско, соседи стояли вдоль тротуара в куртках, накинутых прямо поверх пижамы или спортивного костюма. Сбившись небольшими группками и сложив на груди руки, люди смотрели на дом.

Они ждали ответов. Это не тот район, где убивают людей. Было видно, что они замерзли и напуганы. Шварцман могла сказать о себе то же самое.

Но она не поддастся страху. Она не знала точно, стоит ли за этой смертью Спенсер. Правило судебной медицины номер один: никогда не пытайтесь заранее предугадать результат. Именно это она ценила в своей работе. Никаких коротких путей.

Анна вышла из машины, открыла багажник и вынула черный чемоданчик с жесткими стенками. Сосредоточенно прошла по тротуару к зданию, показала удостоверение и переступила порог.

Кен Мэйси дежурил у двери.

– Добрый вечер, док.

Шварцман улыбнулась его добродушному лицу.

– Добрый вечер, Кен. Не ожидала увидеть вас сегодня вечером.

Она сняла короткие черные ботинки и надела темно-синие «Кроксы», которыми пользовалась, работая в помещении.

– Поменялся сменой с Харди. Он купил билеты на «Уорриорз»¹ и теперь ведет на матч всю семью.

– Повезло, – сказала она, довольная, что есть минутка переброситься парой слов с коллегой.

– Это точно.

Шварцман натянула поверх кроксов синие бахилы.

– Есть ли новые рестораны, чтобы пополнить мой список?

– Пробовали тот ливанский ресторанчик, который я рекомендовал? – спросил он.

– «Маззат». Попробовала, – подтвердила она. – Да. Была там. На прошлой неделе. Хотела поблагодарить вас по электронной почте. Я заказала кёфте. Вкусотища.

Кен улыбнулся.

– Я тоже обожаю кёфте. И бамию.

У Кена имелся бесконечный список лучших заведений этнической кухни в городе, торговавших навынос.

– Готова попробовать еще что-нибудь новенькое.

¹ «Голден стейт уорриорз» – профессиональный баскетбольный клуб, выступающий в Национальной баскетбольной лиге и базирующийся в Сан-Франциско.

– Замечательно, – сказал он. – У меня есть кое-что для вас, когда вы вернетесь.

– Отлично. Я уверена, что проголодаюсь.

Кстати, она уже заметила одну особенность своей новой жизни в Сан-Франциско: здесь у нее усилился аппетит. В Сиэтле были потрясающие рестораны, но, увы, ей было не до них. Пребывая в вечном стрессе из-за Спенсера и учебы, Анна редко ела вне дома, а еда, которую она выбирала, скорее предназначалась для поддержки организма, а не для удовольствия.

И вот теперь, живя в новом городе, Шварцман частично избавилась от этого тяжелого груза, и ее аппетит улучшился. Для нее было обычным делом второй раз поужинать, поздно вернувшись домой с работы.

Она взяла чемоданчик и, переключив внимание на здание, перешла в рабочий режим. Обвела взглядом холл, пока еще не зная, куда ей нужно идти.

– Понял, – сказал Кен, покачав головой. – Извините. Поднимитесь на лифте на четвертый этаж. Там действительно чисто. Никакой крови.

– Спасибо, Кен, – сказала Шварцман и с чемоданчиком в руке шагнула в фойе.

Здание, вероятно, было построено в 1940-х годах. Узкий вход, крупная мраморная плитка популярного тогда цвета розовой лососины. Пройдя мимо женщины в пижаме, она вошла в пустой лифт как раз в тот момент, когда двери закрывались. Трясаясь и содрогаясь, лифт поплыл вверх.

Но Шварцман все равно нравилось ехать в нем. Она не любила ходить по лестницам, особенно на выездных случаях.

Квартира жертвы явно была недавно отремонтирована. Повсюду дорогой паркет с широкой доской. Стены оштукатурены под бетон, в котором она узнала «американскую глину». Цвет «зеленый шалфей». На двух самых больших стенах висели две огромные масляные картины. На обеих сцены из сельской жизни. На одной – река и мельница, на другой – старый амбар. Стильный диван из шенилла с шелковыми декоративными подушками в цветочный орнамент.

Несмотря на декор, квартира производила жутковатое впечатление. В комнате было слишком светло. Слишком упорядоченно. На столе фотографии в рамках, расставленные под идеальным углом друг к другу. Ничего лишнего. Кто-то обожал порядок во всем.

Или хотел, чтобы сложилось именно такое впечатление.

Первой ее версией было домашнее убийство. Считалось, что их совершают алкоголики и наркоманы, но идеальный дом был таким же явным признаком дисфункции, как и тот, в котором царил бардак. Под внешней иллюзией совершенства нередко прячется нечто уродливое.

В доме Спенсера каждая вещь знала свое место. Вплоть до белой фарфоровой чашки, в которой обитала зубная щетка, когда ею не пользовались. То, как полотенца были вдеты в кольца для полотенец, в какую сторону разворачивался рулон туалетной бумаги. Теперь она никогда не использует кольца для полотенец. На протяжении семи с половиной лет. Кстати, в какую сторону смотрит рулон туалетной бумаги в ее ванной? Она не помнила.

Прогресс.

Хейли Уайетт была чем-то занята в дальнем конце гостиной с одним из следователей-криминалистов. Как и она сама, Хейли по-прежнему была в одежде, в которой сидела за ужином. Не желая их прерывать, Шварцман прошла мимо кухни. На столе рядом с разделочной доской из темного дерева, инкрустированной бамбуком, стоял единственный бокал, в нем на два пальца красного вина. Поперек его края лежал тонкий нож, чье лезвие торчало вбок и, казалось, в любой момент могло упасть. Крошки. Возможно, ужин. Вино и сыр с хлебом. Любимое блюдо Шварцман.

В короткий коридор выходили три двери. Комнаты были опрятными, чисто женскими и похожими по стилю на гостиную. Никаких признаков второго жилья. Шварцман остановилась у двери в кабинет. Там тоже все на своем месте. Письменный стол с открытой книгой.

Между двумя страницами желтая закладка. Ни компьютера, ни бумаг. Идеальный порядок. Даже слишком. Она двинулась дальше.

Тело будет в соседней комнате.

Мертвецы ее не пугали. Осклизлость кожи, волдыри, чернота разложения – не более чем естественные составляющие смерти. Даже запах утратил резкие нотки и стал вполне сносным. Особенно если тело обнаружили рано, как сейчас.

В комнате слабо пахло зажженной свечой. Запах был землистый, с легкой пряной ноткой. Возможно, сандаловая палочка.

Когда Шварцман вошла в комнату, возле кровати, глядя на жертву, стоял детектив отдела по расследованию убийств Хэл Харрис. Детективов в Сан-Франциско по-прежнему именовали инспекторами, хотя ей еще не попадался ни один человек, который точно знал бы почему.

Даже в большой комнате Хэл занимал значительную часть пространства. Внушительный, ростом шесть футов четыре дюйма и весом более 220 фунтов, он имел безупречную темную кожу, на фоне которой его карие глаза казались зелеными, особенно при ярком свете. Его взгляд был суров, и в целом он производил впечатление человека, с которым лучше не связываться. Но за этим суровым фасадом скрывался другой Хэл – одновременно веселый и чрезвычайно добрый.

Она была особенно рада, что этот случай достался ему и Хейли. С момента ее переезда в Сан-Франциско, эти двое раскрыли пару сложных дел. Сочетание ума и решимости. Цветы по-прежнему нервировали Анну, и ей было спокойнее от того, что они здесь.

Когда она вошла, Хэл не стал бомбардировать ее вопросами. Наоборот, как обычно, не проронил ни слова.

Это была огромная спальня, особенно для квартиры в городе, где квадратные метры продавались по цене, кратной сотням долларов за каждый. Как и в любом другом случае, Шварцман первым делом изучила окружающее пространство. Часто окружающая обстановка придавала телу некий контекст. То, что она увидела здесь, было почти таким же. На стене единственная картина на стандартную тему: поле высокой пшеницы, которую колышет ветер.

На журнальном столике в гостиной стояло несколько фотографий в маленьких рамках, но в спальне ни одной не было. Ничего личного.

Тело лежало на аккуратно застеленной кровати. Простыню, покрывавшую его на присланном Хэлом фото, уже сняли. Женщина не была голой. На ней было желтое платье с бледным орнаментом.

Шварцман вспомнились однотипные наряды от Лилли Пулитцер, которые так обожал Спенсер. Рождество, Пасха и даже Четвертое июля отмечались новым платьем для нее и рубашкой в тон для него. Как будто они были детьми, одетыми богатой домохозяйкой. В ее нынешнем платяном шкафу не было ни единого желтого пятна. Во всем ее доме.

Желтое платье жертвы было разложено веером на одеяле и аккуратно расправлено. Золотые балетки. «Тори Берч» – Шварцман увидела на подошвах знакомый логотип.

И желтые цветы.

Они были не такими, как в букете, который она получила от Спенсера. Там был формальный букет, скорее похожий на свадебный, в то время как этот больше походил на букет полевых цветов: длинные стебли с крошечными цветочками, перевязанные обрывком белой нити, вроде кулинарного шпагата.

Совсем другой. Два разных букета желтых цветов. Совпадение.

Не все нити вели к Спенсеру.

Он лишь хотел, чтобы она так думала.

Обуздав свои мысли, Шварцман поставила чемоданчик на пол и извлекла из него свежий защитный комбинезон. Жертву нашли в спальне. Состоятельная, белая, тридцати с небольшим лет. Жившая в охраняемом доме.

Шагнув в штанины комбинезона, Анна подняла пластиковую ткань поверх темных брюк. В квартире было тепло. Натянув комбинезон до талии, она расстегнула серую кашемировую кофту, сняла ее, положила в чемоданчик рядом с коробкой перчаток и натянула комбинезон поверх футболки. Она ненавидела ощущение недышащей ткани на руках, но в комнате было слишком жарко.

Под синтетической тканью пот тек ручьями, и это отвлекало. Ей же, чтобы полностью сосредоточиться на работе, требовался комфорт. Еще раз убедившись, что чемоданчик открыт, Шварцман мысленно отметила наличие в нем термометра и блокнота, в котором будут записаны первоначальные выводы.

– Что нам известно? – спросила она, натягивая перчатки, и шагнула к жертве.

– Ее обнаружила сестра, – ответил Хэл. – Приехала в гости из Южной Калифорнии и застала ее вот такой.

Шварцман прижала пальцы к коже. На правой стороне руки виднелся синяк.

– Тело переместили.

– Согласен. Здесь слишком чисто для реального места преступления.

Анна исследовала кожу на предмет первых признаков кровоизлияний, проверила глаза на петехии и не обнаружила их. Пропальпировала грудную клетку жертвы, затем шею.

– Не задушена. Без видимых травм. Чтобы установить причину смерти, придется отвезти ее в морг.

– Я тут подумал, – сказал Хэл, – а как насчет наркотиков?

Шварцман с помощью фонарика проверила нос и рот жертвы. Проходы были чистыми. Она наклонилась, чтобы понюхать рот. Легкий галитоз, но никаких намеков на наркотики.

– Возможно. Но вряд ли речь идет о передозировке. Я не вижу остатков в носу и во рту. – Она сняла одну из перчаток. – На кухне стоит бокал.

– Я попросил команду Роджера забрать его.

Роджера Самперса, начальника следователей-криминалистов, отличала предельная тщательность. Удивительно, но Хэлу обычно удавалось заполучить его для работы на месте преступления; это было свидетельством того, каким уважением пользовался инспектор. Роджер был дотошен, скрупулезен, привык полагаться на собственные суждения. Наделенный чувством юмора, он хотя и был склонен отпускать самоуничижительные шуточки, однако имел правило не шутить в адрес других.

– Хорошо. – Ее кожа была горячей, руки – холодными и липкими; уж не простуда ли? – Что мы о ней знаем?

– Виктория Стайн. Жила одна. Сестра не в курсе ее нынешнего мужчины. По словам сестры, пару лет назад Стайн развелась, переехала в Сан-Франциско и купила эту квартиру.

Шварцман надела новые перчатки и, приподняв верхнюю часть туловища жертвы, указала на синие пятна.

– Похоже, что она умерла на боку. Это снижает вероятность передозировки. Передозировка обычно приводит к смерти от аспирации.

– Могла ли аспирация иметь место, если она лежала на боку?

– В принципе, да. Но такое бывает крайне редко. – Анна осмотрела кожу головы жертвы на предмет ушиба. – Вы сказали, что она не из Калифорнии?

– Откуда-то с юга.

– Вот как? И откуда именно? – Череп был нормальный. Травмы, указывающие на причину смерти, тоже отсутствовали.

Хэл заглянул в свой блокнот.

– Вот... Спартанбург. По словам ее сестры, это почти рядом с...

– Гринвиллом, – закончила за него Шварцман. Городок, находившийся почти рядом с ее родным городом.

– Ты знаешь это место? – удивился Хэл.

Ушные мочки женщины были проколоты, но сережек в них не было. На туалетном столике тоже не было никаких украшений.

– Сестра случайно не упоминала о пропаже каких-либо ценных вещей?

– Нет. Думаю, Стайн никаких драгоценностей не носила.

Довольно странно. Шварцман по собственному опыту знала: большинство женщин носят украшения. Чем состоятельнее женщина, тем красивее украшения. Конечно, были исключения. Например, она сама. Она так долго ходила без сережек, что дырочки в ее ушах заросли. Спенсер не любил серьги. В мочках ничего не должно было быть. Одно из его правил, которое всегда напоминало ей о нем. Возможно, однажды это пройдет. Шварцман надеялась на это.

Она подняла руки жертвы, изучая ладони на наличие полученных в результате сопротивления ран.

– Что-нибудь видишь?

– Пока ничего, – призналась Анна. – Ногти у жертвы довольно короткие, поэтому вполне возможно, что мы не увидим отломанных кончиков. – Осмотрела ее пальцы. – Но я не вижу под ними никакой ткани.

Она перевернула кисть и еще раз внимательно осмотрела пальцы, чтобы найти характерную вмятину или светлый ободок, которые могли бы указать на кольцо. Ничего подобного. Ни серег, ни кольца. Может, у нее кожная аллергия?

Сдвинув вырез платья, Шварцман нашла тонкую золотую цепочку и вытащила ее из-под ткани, чтобы рассмотреть кулон. Золотой крестик. С правой стороны небольшое отверстие размером с булавочную головку – вроде тех, через которые ювелиры пропускали свет на драгоценные камни. Положив крестик на натянутую перчаткой ладонь, Шварцман свободной рукой перевернула его.

В золото правой перекладины была вставлена Звезда Давида.

– О господи! – Шварцман уронила кулон и отшатнулась от тела. Сняв перчатки, бросила их на пол.

– Что такое? – спросил Хэл, подходя к ней.

Его пальцы сжали ей плечи. Это давление успокаивало, заглушая волны паники, из-за которых она едва удержалась на ногах. Нет, это не может быть совпадением.

– Шварцман, – твердо сказал он. – Признайся честно. С тобой все в порядке?

Она повернулась в его руках и медленно покачала головой.

– Что случилось? – В дверях появилась Хейли Уайатт.

Всего несколько часов назад они говорили о Спенсере. Анна рассказала о нем Хейли и остальным. Призналась, что попала в ловушку этого брака. И вот теперь... Она обняла себя за плечи, чтобы унять дрожь.

– Боже мой, Шварцман, ты словно увидела привидение, – сказала Хейли. – С тобой все в порядке?

Если б только Спенсер был призраком! Увы, он слишком реален. Платье жертвы желтое. На ней нет украшений, кроме этого кулона. Просто совпадения?..

– Черт. Ты ее знала?

– Нет. Дело не в ней... – Анна прижала ладонь к груди. Ее кулон был на месте. Внезапно она почувствовала себя незащищенной. Как будто, рассказав о Спенсере за ужином, помогла ему оказаться здесь. Решилась рассказать о нем – и вот он, легок на помине...

– Почему ты подумала, что она знает жертву? – спросил Хэл.

– Не знаю, но они похожи, – сказала Хейли. – Волнистые волосы, овал лица, нос... Должно быть, это ее испугало.

Они действительно были похожи. Боже, как ему удалось найти женщину, похожую на нее? Ей ничего не померещилось. Отсутствие украшений, платье, цветы... Это его рук дело.

– Нет, – сказал Хэл. – Она была спокойна, пока не увидела кулон.

Шварцман осталась стоять у стены. Ее голые руки прижались к коже на шее. Та была ледяной и скользкой, как тело, которое достали из холодильника морга после обмывки.

– Это крест со звездой Давида, – сказала Хейли. – И маленький драгоценный камень в звезде.

Примут ли они ее за сумасшедшую, если она покажет им свой? Она несколько месяцев завоевывала их доверие. Лишиться его можно за считанные секунды. Какой у нее выбор? Она не могла прятать от них свой кулон.

Шварцман заставила себя опустить руки.

– Это христианский крест со звездой Давида, – сказала она, пытаясь как можно четче выговаривать слова. – Звезда Давида помещена там, где было бы сердце, если б крест был человеком, женщиной. И крошечный бриллиант в центре звезды.

Она нащупала на шее цепочку и под футболкой кулон. В честь первой годовщины их свадьбы отец заказал его для ее матери.

Комната накренилась, и Шварцман закрыла глаза.

Кулон, идентичный кулону на мертвой женщине.

3

Сан-Франциско, Калифорния

– Шварцман!

Голос был женским и настойчивым. Ей пришлось взять себя в руки, чтобы вернуться туда, где она была. Анна увидела бежевый ковер, зеленое одеяло на уровне глаз. На нее сверху вниз смотрели Хейли и Хэл. Она сидела на полу, прислонившись спиной к стене.

– Помоги мне поднять ее, – сказала Хейли Хэлу.

Шварцман вздрогнула, почувствовав на спине и плечах огромные руки Хэла, когда тот быстро вернул ее в вертикальное положение. *Возьми себя в руки. Ты не какая-то свихнувшаяся тетка. Ты врач, ученый.*

– Кто-нибудь может принести мне бутылку воды? – крикнула Хейли в коридор. Хейли и Хэл. Им она могла сказать. Они должны знать.

– Все нормально. – Анна прочистила горло. – В самом деле. Просто я не ожидала...

Они подумают, что я сошла с ума. Так всегда думала ее мать – мол, она слишком остро реагирует на все или делает из мухи слона.

Но это явно не тот случай. Или все же тот? Наверное, она слишком остро отреагировала. Ей требовалось время, чтобы успокоить нервы, подумать, прежде чем что-то сказать. Никогда не предсказывай результат заранее, это первая заповедь ее профессии. Она была ученым. Ученному нужны доказательства. Тело даст ответы.

– Кулон? – спросила Хейли.

– Он необычный.

Хэл и Хейли переглянулись. Для них это был просто кулон. И, конечно, наверняка найдутся другие, подобные ему. То, что они никогда таких не видели, еще ничего не значило.

Наоми Мьюир из команды криминалистов вошла в комнату с бутылкой воды и вручила ее Хэлу. Тот открыл крышку и вложил бутылку в руки Шварцман.

– Попей.

Она поднесла воду к губам и сделала глоток. Холодная жидкость взбодрила ее, помогла стряхнуть гнетущие мысли. Анна вернула бутылку Хэлу.

– Мне лучше. – Она расстегнула молнию на комбинезоне, чтобы впустить прохладный воздух. – Просто я слегка перегрелась.

Хейли подозрительно посмотрела на нее. Шварцман внутренне съежилась. Нужно, чтобы они ей поверили. Но что ей делать, если они не поверят? Сан-Франциско должен был дать ей новый старт, помочь начать жизнь с чистого листа. Ведь ей так хотелось начать все сначала! Но, похоже, она зря надеялась...

Шварцман потянула вниз молнию на комбинезоне, впуская еще больше свежего воздуха, и снова вернула ее на место. Затем надела новую пару перчаток и вернулась к телу. Внимательно осмотрела небольшой бугорок на переносице жертвы и провела пальцами по хрящу в поисках признаков перелома. Чисто. Как и Шварцман, Виктория Стайн родилась с округлым перегородочным хрящом, который делал ее нос типично еврейским.

На шестнадцатый день рождения Анны ее мать предложила дочери пластику носа в надежде, что та решится на что-нибудь более прямое и патрицианское, больше похожее на ее собственный нос.

– Нашли что-нибудь? – спросил Хэл.

Покачав головой, Шварцман перешла от носа к челюсти и скулам. Ничего, что объяснило бы причину смерти. Наконец она открыла рот жертвы и посмотрела на зубы. Регулярно отбеливаемые, ровные. Ничего, что указывало бы на травму.

Шварцман отступила и еще раз внимательно осмотрела покойницу с головы до ног на предмет ушибов или признаков травмы, измерила внутреннюю температуру и, чтобы сохранить улики, надела на кисти рук трупя пакеты.

– Я не могу назвать вам причину смерти без вскрытия, – наконец сказала она, снимая перчатки. – Никаких видимых ран или ушибов, никаких очевидных травм, чтобы предположить, что привело ее к смерти.

– Но это явно была не естественная причина, – добавил Хэл.

– Нет. Безусловно, нет.

Шварцман заметила, что Хейли переводит взгляд с нее на мертвую женщину. Она явно сравнивала их. Темные волосы, рост... они могли быть сестрами.

– Значит, нет причин предполагать связь между тобой и жертвой?

– Если только вы не параноики. – Комментарий предназначался не столько им, сколько ей самой. Она не будет параноиком. Именно этого и добивался Спенсер: навсегда оставаться в ее памяти, где каждая мелочь напоминала бы ей о нем. Пусть даже не надеется. Сан-Франциско был для нее новым стартом. – Жертва действительно похожа на меня. И она держит букет желтых цветов...

– И они тебе знакомы? – спросил Хэл.

Она почувствовала тяжесть его взгляда.

Разумеется, Хэл был в курсе. Роджер наверняка рассказал ему. Они говорили о ней. Это выглядело как вторжение в ее личную жизнь... хотя, наверное, зря она так. Они защищали ее, как коллеги. Она сделала бы для них то же самое.

– Цветы другие. Те, что подбросили мне под дверь, были более торжественными. – Интересно, Роджер до сих пор работает над ними?.. – Роджер здесь? Хотела спросить его, нарыл ли он что-нибудь по части полученных мной цветов.

– Я пока еще не видел его, но, как только увижу, спрошу, – сказал Хэл.

Без сомнения, у лаборатории хватает реальных дел, однако Анна надеялась, что там изучат ее цветы.

– Эти больше похоже на полевые, чем на букет, который положили мне под дверь.

Платье... он точно выбрал бы такое. Она не смогла заставить себя произнести эти слова вслух. Это не было уликой, а гадать на кофейной гуще было бесполезно.

– Она из городка, соседнего с тем, в котором выросла ты, – продолжил Хэл.

– Население Гринвилла более шестидесяти тысяч человек, еще тысяч сорок живет в Спартанбурге. Не скажу, что там все знают друг друга, и понятия не имею, кто эта женщина.

– Ну ладно, – согласился Хэл.

– Что еще вы хотите к этому добавить, Шварцман? – спросила Хейли.

Анна распрямила спину и коснулась впадины на шее. Казалось, Хейли видела, что она что-то скрывает. Хейли наверняка свяжет их разговор с ее признанием, что она до сих пор боится Спенсера. На то Хейли и следователь, чтобы выстраивать логические цепочки...

Шварцман вытащила из-под майки кулон и встретилась взглядом с Хейли. Была не была... Она решила довериться им.

– Вот это. Мой отец заказал его для моей матери на первую годовщину их брака.

Хэл наклонился ближе.

– Провалиться мне на этом месте!

Прежде чем кто-то успел хотя бы что-то добавить, Анна пошла собирать чемоданчик.

– Я сделаю вскрытие как можно скорее.

Хейли положила ей на плечо руку. Прикосновение нежное, напоминающее о том, что они друзья.

– Не возражаешь, если мы возьмем твой кулон? – спросила она. Хейли была на ее стороне. Все они на одной стороне. Наконец у нее появились союзники против Спенсера.

– Чтобы сравнить их, – не унималась Хейли.

Шварцман потрогала кулон, висевший у нее на шее после смерти ее отца.

– Как это поможет?

– Может, и никак, – ответила Хейли. – Но вдруг твой кулон скажет нам что-то такое, чего не скажет тот, что был на ней...

Шварцман уже было тошно из-за того, что она сняла кулон. Она носила его постоянно, каждый день; это было единственное, что связывало ее с отцом. Это была всего лишь вещь. Неодушевленный предмет. Им же нужно поймать убийцу.

Анна понимала, что отказ невозможен, и, когда Хейли протянула пакет для сбора улики, дала цепочке упасть в пластиковый мешочек.

– Я позабочусь о том, чтобы ты получила его назад как можно скорее, – пообещала Хейли.

Отдав кулон, Шварцман ощутила желание побыстрее уйти, оказаться как можно дальше от этого места. Однако она заставила себя сбавить обороты: неторопливо сняла защитный комбинезон и вернула его в пластиковый мешок, чтобы потом присовокупить к уликам.

* * *

Шварцман шла через дом, и пол вибрировал под ее ногами.

Их со Спенсером дом был таким. Цветы и мягкие тона. Каждая вещь знала свое место. У ее бывшего мужа-хамелеона имеется вкус. Он обаятельный, чуткий, он из тех мужчин, которые всегда идут по тротуару ближе к проезжей части улицы, и если машина пролетит через лужу, вода окатит его, а не ее. Он из тех мужчин, что выбирают дорогие декоративные подушки в тон шторам.

И в то же время, если что-то покажется ему не так, способен швырнуть беременную жену через всю комнату.

Он тебе не бывший.

Спенсер все еще оспаривал развод. Южная Каролина стояла на страже института брака. Порядочные южанки не бросают своих мужей.

Вновь надев уличную обувь, Шварцман вышла из здания, чтобы вдохнуть прохладного воздуха. Чемоданчик был слишком тяжелым, каблуки – слишком высокими. Ей было одновременно холодно и жарко.

Ей отчаянно хотелось поскорее вернуться домой, но в то же время было страшно остаться одной. Она прижала руку к животу и, упираясь в диафрагму локтевой костью, делала медленные вдохи-выдохи. И боролась с воспоминаниями.

То, как он манипулировал ею с самого начала. То, как легко она позволила поймать себя в его сети.

На их первое свидание Спенсер приехал в светлых брюках и темно-синем блейзере. Он подарил ее матери цветы. Яркий букет желтых цветов. Не огромный букетище... это было бы безвкусицей. Нет, небольшой, но симпатичный букет, дань уважения, нечто такое, что добавит света и радости ее дню.

За ужином в загородном клубе Анна ощущала себя едва ли не королевой. То, как он касался ее руки, то, как она была в центре всеобщего внимания... Зависть в глазах женщин, проходивших мимо их столика, была очевидна. Спенсер Макдональд был предметом их обожания. Богатый, шикарный, влиятельный, самый завидный жених Гринвилла.

В тот вечер, когда он предложил ей заглянуть к нему домой, она согласилась. В клубе они пили вино и шампанское, но настоящий кайф для Анны исходил от него.

Когда они приехали к нему, он налил ей второй бокал, а уже через несколько минут повалил ее на дорогой персидский ковер на полу своего кабинета – и изнасиловал.

Секс, ее первый секс, был болезненным и грубым; она отбивалась с первой и до последней минуты.

Но как только Спенсер закончил, он улыбнулся и обхватил ее лицо ладонями для поцелуя, словно это был секс по обоюдному согласию и любви. Затем отвел ее, окровавленную и плачущую, в ванную и наполнил для нее ванну. Он настоял на том, чтобы она легла в нее, зажег свечу, принес ей ледяной воды и болеутоляющую таблетку, которую она не приняла.

Потом он доставил ее домой, чистую, словно новенькую...

– Док? Эй, док?

Шварцман повернула голову и увидела Кена. Уродливая реальность Спенсера смягчилась при виде добродушной физиономии Кена Мэйси. Она в безопасности. Спенсера здесь нет. Но она не могла отогнать мысли о нем. Никогда еще Анна не ощущала его так близко.

– С вами все в порядке? – спросил Кен.

Она заставила себя сглотнуть и кивнула.

– Вы какая-то бледная.

– Меня немного мутит, – честно призналась Шварцман. Скорее всего, сказывается усталость. Это была долгая ночь. Уже поздно. Нужно немного поспать, и тогда к ней снова вернется бодрость.

– Давайте я отвезу вас домой?

– Нет. – Полагаться на других – значит, утратить чувство безопасности. Единственное реальное утешение в одиночестве. Шварцман медленно побрела на улицу. – Спасибо, – добавила она, чтобы успокоить его. – Немного подышу свежим воздухом, и мне станет лучше.

Туман придавал каждому вдоху странное ощущение – она как будто жевала нечто легкое и прохладное. Кен что-то сказал про какое-то заведение средиземноморской кухни. Ей послышалось слово *долма*.

Но ей сразу вспомнилось *dolor* – испанское слово, означавшее «боль». *Qué dolor*. В клинику, где Шварцман работала во время учебы на медицинском факультете, часто приходила бездомная женщина. «*Qué dolor*», – говорила она, взявшись за голову. Голова. *Dorsal funiculus*². Состоит из двух восходящих пучков – *gracilis* и *cuneatus* – и одного нисходящего — *comma fasciculus*. Затем еще один...

– Док? – Кен решительно тряхнул ее.

Она вздрогнула и заморгала. Сосредоточилась. Посмотрела ему в лицо, испытывая непреодолимое желание зевнуть. Зевота часто связана со стрессом. Спортсмены зевали перед соревнованиями, десантники – перед прыжком. Часть стратегии выживания, связанная с гипоталамусом. Это тоже было частью страха.

– Думаю, мне стоит отвезти вас домой, – сказал Кен.

– Абсолютно нет, – возразила Шварцман, борясь с физиологическими реакциями. Страх предпочтительнее зависимости. Она позаботится о себе. – Все будет хорошо.

Она упорно смотрела по сторонам, отказываясь встретиться пристальным взглядом Кена.

– Хорошо, но только если вы позвоните, как только вернетесь домой, и сообщите мне, что с вами все в порядке. – Он поднял ее мобильник. – Я сейчас занесу свой номер в ваш телефон. – Анна узнала футляр в черно-белую клетку, хотя понятия не имела, как Кен смог завладеть ее телефоном. Не выпуская из рук телефон, он протянул его ей. – Я числюсь тут как Кен Мэйси. Но вы также можете найти меня просто как Кена. Вы действительно...

Остальные его слова скользили по ней, не откладываясь в сознании. Все ее мысли перенесли назад, к месту убийства. Она дотронулась до места на груди, где всегда покоился кулон. Точно такой же. Эти два кулона были не просто похожими; они были идентичными.

² Задний канатик головного мозга (*лат.*).

Кен наконец закончил говорить, и Шварцман положила телефон в карман куртки. Она держала чемоданчик перед собой, крепко сжимая ручку. Ноги отказывались двигаться. Казалось, чтобы сделать хотя бы шаг, она должна преодолеть барьер.

Но вот наконец машина. Дверь уже открыта.

Кен поставил ее чемоданчик в багажник и открыл дверь со стороны водителя.

– Вы уверены, что с вами все в порядке? – спросил он, наклонившись к ней.

Не доверяя голосу, она снова кивнула.

Кен отступил назад, закрыл дверь и, прежде чем вернуться к месту преступления, постоял несколько секунд возле машины. Понаблюдал за ней. Но затем все же зашагал прочь. Отлично. Шварцман подождала, когда он уйдет. Дрожащие пальцы с трудом вставили ключ в замок зажигания, но она не стала заводить двигатель.

Ей было страшно ехать домой.

Она должна уехать раньше, чем это заметят коллеги. Она не привыкла сидеть без дела. Она работоспособна, она настоящий профессионал своего дела. Место преступления – не место для нервного срыва.

Но Шварцман все равно не хотела уезжать. Здесь, на месте убийства, было нечто успокаивающее – взаимное подшучивание, то, как вся их группа работает сообща... Это помогало ей почувствовать себя в безопасности.

В ее квартире царил тишина.

Одной рукой она взяла руль. Другой нащупала на шее артерию.

Пульс бешено бьется.словно второе сердце, как будто объем ее крови удвоился и теперь бежит по телу с удвоенной скоростью. От сужения периферических кровеносных сосудов покраснели щеки, мышцы напряглись, готовые к бегству. Это включилась ее симпатическая нервная система.

Это просто паника. Физиологический страх. Инстинкт. Ты можешь это контролировать. Дыши.

Его здесь нет. Он не может здесь быть.

По ее венам очередной горячей волной хлынул адреналин.

Поезжай домой, там никто не увидит, как ты психуешь. Анна повернула ключ зажигания. Включила кондиционер и подогрев. Без кондиционера стекло быстро запотевало. Она пристегнула ремень безопасности и завела машину. Ее дыхание было хриплым и надрывным, как будто она пробежала марафон. Или как будто впервые села за руль.

Шварцман ехала медленно, чем приводила в ярость всех остальных водителей. На Ван-Нессе машины гудели клаксонами и проносились мимо.

– Найдите себе водителя, мисс Дейзи!³ – сердито крикнул кто-то.

Минута-другая – и позади нее уже никого.

Шварцман выключила обогрев и приоткрыла окно. *Твой дом в безопасности.* После доставки цветов у каждого входа в здание были установлены камеры. Четыре новых охранника дежурили на этажах и на лестничных клетках, а за стойку был добавлен второй консьерж, чтобы вестибюль ни на минуту не оставался без присмотра. *Дом не просто в безопасности. Он практически превращен в крепость.* При этой мысли ей заметно полегчало.

На Джексон-стрит Шварцман свернула направо. Туда же тотчас свернула еще какая-то машина, ехавшая следом. Это был многолюдный город – не то что пригороды Гринвилла; здесь позади вас всегда кто-то находится. Она посмотрела в зеркало заднего вида; машина проследовала за ней мимо одного знака «стоп», затем мимо другого.

«Ладно, – сказала она себе. – Сворачивай».

И свернула влево.

³ Отсылка к фильму «Шофер мисс Дейзи» (1989).

Машина – следом за ней.

Включив на полную мощность кондиционер, Анна оглянулась, но фары были слишком яркими, чтобы разглядеть водителя. Тени создавали впечатление, будто на пассажирском сиденье тоже кто-то сидел. Шварцман вглядывалась в зеркало заднего вида, пытаясь разглядеть лицо водителя. Она узнала бы округлую челюсть Спенсера, его сжатый рот. Едва не врезалась в припаркованную машину. Резко крутанув руль влево, почти вскрикнула, но крик застрял у нее в горле.

– Возьми себя в руки, – сказала она вслух.

В течение шести месяцев, прошедших с тех пор, как Шварцман нашла работу в Сан-Франциско, она чувствовала себя в безопасности. Не было никаких признаков того, что Спенсер пытался связаться с ней или что он вообще знал, где она.

По крайней мере, до телефонного звонка в морг, когда он сказал ей, что ее мать в больнице.

Затем эти желтые цветы под дверью.

Пока она жила в Сиэтле и училась на врача, Спенсер ни разу не показал своего истинного лица. По крайней мере, этому не было доказательств.

Но все это время он неким образом следил за ней. Записки, которые она находила в своем шкафчике в больнице. Все как одна напечатанные на машинке. Туманные по содержанию.

Удачи на устных экзаменах.

Ты обращалась с пациентом в палате 3107 как профессионал.

На всех записках подпись – В.Ю.Д. Ваш Южный Джентльмен. Шутка из более светлого периода их брака.

Нигде не задокументированная.

Две записки могли прийти всего за одну неделю, зато целые месяцы могли пройти в тишине. Анна никогда не знала, чего ожидать. Или когда.

Однажды она была в баре с компанией студентов медицинского факультета. В середине вечера официант остановился у столика, чтобы сообщить, что ее муж на линии и ему нужно срочно поговорить с ней. Когда она сказала, что у нее нет никакого мужа, он официальным тоном уточнил:

– Вы Аннабель Шварцман?

Она была вынуждена ответить на звонок. Хотя тот длился всего несколько секунд, его низкий, довольный смешок до сих пор посещал ее в кошмарных снах. Позже она выяснила, что он отследил ее по кредитной карте.

Однажды вечером, в Сиэтле, вернувшись с занятий, Шварцман обнаружила на подушке кусок своего любимого мыла с запахом жимолости, производимого в Гринвилле, – в подарочной упаковке, украшенной желтым бантом.

Она положила его в пакет и отнесла к местному адвокату, который специализировался на делах о домашнем насилии. Тот помог ей нанять частного детектива для расследования угроз со стороны Спенсера. Опыт стоил тысячи долларов, которых у нее не было. Чтобы заплатить детективу, она устроилась ординатором еще в одну больницу Сиэтла, три месяца работала по выходным.

Детектив не обнаружил ничего, что доказывало бы то, что, помимо порядочного гражданина и успешного бизнесмена, Спенсер был кем-то еще.

Адвокат посоветовал ей бросить это дело.

– В случае с таким человеком невозможно ничего доказать, – сказал он ей. – Вам будет только хуже.

Шварцман не спросила, что он имел в виду под «таким человеком». Она уже знала. Бездушным. Опасным. Безжалостным. С тех пор как она уехала из Южной Каролины, Спенсер ни разу не заходил дальше угроз в виде записок и телефонных звонков.

Но это не было ни запиской, ни телефонным звонком. Это было убийство. Причастность к нему Спенсера означала бы, что он осмелел и способен на все...

Нет, это наверняка совпадение. Здесь она в безопасности. *В этом городе повсюду люди. Ты не одна.*

Чтобы подтвердить свою теорию, Шварцман ехала медленно, осматривая улицу. Вот. Пара выгуливает крупного пса. Что-то вроде волка. Хаски. Увы, машина по-прежнему оставалась позади нее. Она притормозила почти до полной остановки. Пусть машина обгонит ее или свернет. Наверняка водитель не станет ждать. Почему он не подал сигнал?

Машина осталась висеть у нее на хвосте. Шварцман вновь нажала на газ и полетела к концу квартала. Свернула направо, проехала еще два квартала до последнего поворота, который вел к гаражу ее квартиры. Машина неотвязно следовала за ней. Анна не стала сворачивать в свой гараж. Нет. Туда она их не приведет.

Вместо этого подождала, когда машина окажется прямо за ней, и взяла в руки мобильник. Разблокировала экран и нашла номер мобильного телефона Хэла. Держа палец над кнопкой «Позвонить», свернула к тротуару и с силой нажала на тормоз.

Но что мог сделать Хэл? В лучшем случае он сейчас в десяти-пятнадцати минутах езды.

К тому времени все будет кончено. Шварцман приоткрыла дверцу машины и вышла на улицу. Мужество собиралось в ней подобно грозовой туче. Она чувствовала прохладные капельки пота над верхней губой. Кровь отлила от внутренних органов к конечностям, тело приготовилось к битве или бегству. Она направилась к странной машине.

Окно опустилось. Мужчина. Незнакомый.

– Почему вы преследуете меня? – спросила она.

На руле лежали большие руки.

– Я был слишком близко?

– Что вам нужно? – требовательно спросила она и, взглянув на телефон, к своему облечению, увидев на экране номер Хэла.

Женщина на пассажирском сиденье наклонилась к окошку, перегнувшись через мужа.

– Он не хочет признавать, что мы заблудились, – сказала она, кладя руку мужчине на плечо. – Дай ей адрес, Питер. Вдруг она скажет нам, где это.

– Мы ищем Макондри-лейн. Это где-то недалеко от Ливенуорта и Грин. Мы просто едем мимо и решили провести сегодняшней вечер с друзьями.

Шварцман с облегчением выдохнула, колени ее ослабли.

– Это там, – сказала она, беря себя в руки, и указала на свой собственный дом. – На углу поверните налево, и поезжайте дальше до конца квартала. Получите у ночного сторожа пропуск на парковку. Или найдите парковку на улице.

– Видишь, Питер, – сказала ему женщина. – Я знала, что мы совсем рядом. Мы едем из Чико в Санта-Барбару. На свадьбу...

Шварцман не стала дослушивать объяснение до конца. Ее парасимпатическая нервная система вновь заявила о себе. Пустой желудок свело болью, ее мутило, кружилась голова. Анна вернулась к машине. С запертыми дверями и пристегнутым ремнем безопасности она снова смогла дышать.

Пара подъехала к ней. Слишком близко. Она даже вздрогнула. Женщина приветливо помахала ей.

Шварцман подождала, пока они свернут за угол. Затем выполнила незаконный разворот и покатила по переулку к гаражу. С помощью ключ-карты открыла охраняемую дверь гаража и помахала ночному сторожу.

Все было как и всегда.

Или нет? Что-то не так... Было ли с ее стороны безумием думать, что за смертью Виктории Стайн стоит Спенсер? Было ли безумием считать, что это не так?

Записки, подарки, неудобные звонки – все это было неприятно и пуга`ло. Когда Шварцман получила заказное письмо, в котором говорилось, что муж подал на нее в суд за нарушение брачного контракта, она потратила пятьсот долларов на адвоката, чтобы удостовериться, что он не прав. Удивительно, но даже в Южной Каролине женщина имела право оставить мужа. Не то чтобы для Анны это имело значение...

Независимо от того, позволял это закон или нет, для Спенсера – точно нет. Постоянные уловки и розыгрыши действовали на нервы, постоянно напоминая, что она никогда не будет полностью свободной.

Шварцман была вынуждена поверить, что все это сделано для того, чтобы вернуть ее в Южную Каролину. Она не могла даже представить себе, к чему еще приведут его выходки.

Но убийство все изменило.

Цветы, жертва, похожая на нее; то, что эта женщина родом из Спартанбурга. Кулон. Ставки теперь намного выше, а значит, что-то изменилось. Что побудило его к убийству?

Если только это не имеет никакого отношения к Спенсеру...

Она ни на секунду не верила в это.

4

Сан-Франциско, Калифорния

Стоя посреди гостиной Виктории Стайн, Хэл стянул латексные перчатки и сунул их в задний карман, чтобы выбросить позже. В машине у него был запас перчаток. Его руки держали баскетбольный мяч так, словно это было пасхальное яйцо, и те перчатки, что выдавали им на работе, всегда были ему малы.

Он лениво почесал тыльную сторону ладони. Доктор Шварцман – особа не слишком разговорчивая, однако было ясно как день, что это убийство жутко напугало ее.

Но почему бы и нет? Во-первых, они с жертвой похожи, словно сестры.

Во-вторых, убитая держала букет желтых цветов. И это после того, как сама Шварцман получила желтые цветы от своего бывшего!

В-третьих, этот кулон; как, черт возьми, они могли объяснить это? В свое время Хэл видел много разных крестиков, но таких – никогда. И они были не просто похожи. Они были *идентичны*.

Шварцман мгновенно это поняла. Она побледнела, ее взгляд словно остекленел. Хэл никогда не видел ее такой.

Впрочем, нет, один раз видел. Однажды, когда он вошел в морг после того, как ее бывший позвонил и сказал, что ее мать лежит в больнице. Вот только ни в какой больнице миссис Шварцман не лежала, пребывая в добром здравии. Ублюдок просто дергал Анну за цепь таким дурацким розыгрышем. Хэл был готов придушить этого типа уже за один только факт измывательства над ней. Но убийство!..

– Мы должны опередить вопросы, которые ей зададут по этому делу, – подала голос Хейли.

– Я не вижу ничего, что могло бы определить ее как подозреваемую, – возразил Хэл, прекрасно понимая, что Хейли права.

– Верно. Но нам нужно будет посмотреть на это дело со всех сторон.

Им следовало предвидеть, что рано или поздно, все вернется к доктору Шварцман. И лучше получить ответы до того, как эти вопросы будут заданы кем-то другим.

– Я собираюсь покопаться в жизни ее бывшего. Ты знаешь его имя?

– Она не рассказывает о своем прошлом. До ужина я даже не знала, что у нее есть муж. Его зовут Спенсер, но это мало о чем говорит.

– Нам понадобится хронология событий. Если за всем этим стоит он, то должна иметься причина, почему он сделал это сейчас. Ей под дверь принесли цветы... примерно... неделю назад?

– Возможно, уже две.

Даты могли быть важны. Но они должны узнать больше: Хейли тоже пришла к выводу, что в этом замешан Спенсер. Кулон, желтые цветы, похожая жертва из соседнего городка...

Однако убийство – не преследование. Это нечто более страшное. Хэл видел Анну в тот день в морге, когда она считала, что ее мать в больнице. Она выглядела такой хрупкой, такой сломленной... совсем не похожей на ту женщину, с которой он работал бок о бок, и от этого вида каждый волосок на его теле встал дыбом, пробудив все защитные инстинкты.

Им необходимо поговорить со Шварцман. Отыскать все, что могло бы связывать ее и жертву.

– Инспектор Харрис? – Из главного коридора в гостиную просунул голову патрульный. – Тут соседка, если ты хочешь с ней поговорить.

– Спасибо. Очень даже хочу. – Хэл повернулся к Хейли. – Не составишь мне компанию?

– Честно говоря, я собиралась поговорить с Роджером. – Она взглянула на свой телефон. – Вообще-то, Дейв завтра рано утром вылетает на восток. Я собиралась заехать к нему по пути домой. Могу вернуться через час или около того.

У Хейли были новые отношения, и все как будто шло хорошо – такого парня, как Дейв, доброго и надежного, Хэл выбрал бы для нее сам; и теперь он искренне радовался за напарницу, так как знал, что в последние пару лет ей пришлось несладко: она потеряла мужа и в одиночку растила двух дочерей.

А сейчас Хэла не отпускало предчувствие, что это дело завладеет их жизнями. Поэтому для Хейли было бы лучше успеть провести с Дейвом немного времени.

– Поезжай. Я свяжусь с Роджером, как только поговорю с соседкой.

– А Шварцман?

Он подумал то же самое.

– Я позвоню, спрошу, сможем ли мы встретиться с ней в участке.

– Или мы могли бы поехать к ней.

Анна не была подозреваемой.

Она была жертвой. Коллегой.

Другом.

– Хорошая идея.

– Значит, ты возьмешь на себя соседку?

Именно это он и сделает. Торопиться ему некуда. Хэл ощутил возбуждение от нового дела, прилив энергии.

– Нет проблем. – Он потер руки о штанину: перчатки вечно вызывали зуд.

– Спасибо, Хэл.

– Всегда пожалуйста.

Хейли указала на руку, которую он чесал.

– Я устала повторять, что тебе нужны безлатексные.

Хэл перестал чесаться.

– Я знаю, но у меня их целая коробка.

Хейли пожала плечами.

– Как ни крути, но к тому времени, когда коробка закончится, у тебя может не остаться кожи.

Она шутливо подтолкнула его локтем, и они прошли обратно к лестничной площадке. На каждом этаже было всего по две квартиры. Обе парадные двери располагались с западной стороны лестничной площадки.

Дверь Виктории Стайн выходила на север, а дверь соседки – на юг. Между ними стоял большой папоротник в горшке, закрывающий прямой вид на дверь противоположной квартиры. Но даже несмотря на растение, если соседка вошла или вышла одновременно с убийцей, она смогла бы опознать его.

Хейли направилась к лифту, а Хэл подошел к женщине, стоявшей рядом с одним из патрульных.

На ней были пижамные штаны с изображением пряничных человечков, голубые пушистые тапочки, выдавшие лучшие дни, и надето несколько свитеров сразу; коричневый торчал из-под черного, завязанного спереди на поясе. В руках она сжимала кружку.

Полицейский отступил и кивнул Хэлу.

– Мисс Флетчер, это инспектор Харрис.

– Добрый вечер, мэм.

Хэл предположил, что ей было от тридцати до сорока, но чем старше он становился, тем меньше доверял своей способности определять точный возраст женщины.

– У меня простуда, – сказала мисс Флетчер, не предлагая руки для рукопожатия. Она была внешне спокойна, но ее лицо выражало озабоченность. Женщина смотрела ему прямо в глаза; не суежилась, не переминалась с ноги на ногу. Ничто в ней не вызвало подозрения.

– Ничего страшного, мэм. Если можно, я бы хотел задать вам несколько вопросов о мисс Стайн.

Она слегка приподняла кружку.

– Мы могли бы... – Она указала на дверь. – Мы могли бы сесть там.

– Было бы прекрасно.

Одно из правил следствия: всегда соглашайся на предложение попасть внутрь чьего-то дома. Людям гораздо комфортнее в своих собственных стенах, это располагает их к откровенности. К тому же там им трудно встать и уйти.

– Если кому-то понадобится, я буду в квартире мисс Флетчер.

Даже с порога квартира соседки была более обжитой, нежели квартира Виктории Стайн.

На стенах коридора висели большие, взятые в рамки фотографии моста Золотые Ворота в разные времена года. В правом нижнем углу каждой из них стояла одинаковая размашистая подпись. Хэл остановился, чтобы рассмотреть снимок со снегом на мосту. В последний раз снег в Сан-Франциско шел в середине 1970-х годов.

– Это фотошоп?

– Нет. Это снег на мосту. – Прижав к себе кружку, хозяйка квартиры уверенно прислонилась к стене. – Здорово снято, не правда ли?

– Когда?..

– Пятого февраля семьдесят шестого года.

Он пристально посмотрел на нее. Чтобы сделать этот снимок, она была слишком молода.

– Это фотографировали не вы.

– Нет, конечно. Моя мать увлекалась фотографией. Многие из этих снимков – ее работа. Фотография была ее страстью.

– Потрясающий снимок.

– Спасибо.

Стены гостиной были сплошь увешаны фотографиями. Большинство изображали местные достопримечательности – Форт-Орд, Президио и Дворец изящных искусств, но были и снимки зарубежных красот – мать мисс Флетчер путешествовала много и далеко. Хэл увидел Эйфелеву башню, Стоунхендж и гигантскую секвойю. На паре снимков были запечатлены средневековые церкви.

Фотографии были увеличены и вставлены в одинаковые рамки ручной работы. Это стоило денег, и немалых.

– Чем вы занимаетесь по работе, мисс Флетчер?

– Зовите меня Кэрол. Я работаю в компании, занимающейся онлайн-играми. Управляю проектами, но также занимаюсь всем понемногу.

Он обвел взглядом комнату и увидел стоящий на обеденном столе компьютер, окруженный стопками бумаг.

Мебель в комнате была гладкой, с острыми углами, что выглядело одновременно неудобно и дорого. На высоком пьедестале за диваном стояла большая статуя из дутого стекла. Там, где вершина отломилась и была снова приклеена на место, виднелась тоненькая линия. Бок лакированного журнального столика портила глубокая царапина высотой примерно с пылесос.

Здесь водятся деньги. Но не старые.

Как давно заметил Хэл, старые деньги означают, что все идеально. Безупречный внешний вид имеет такое же, а то и гораздо большее значение, чем то, что не выставляется напоказ.

– Итак, вы работаете из дома?

– У меня есть приличный кабинет в задней части дома, но я иногда работаю здесь для смены обстановки.

Лучшими свидетелями, как правило, являются не слишком занятые люди. Они обращают внимание на то, кто приходит и уходит. И если Флетчер работала из дома, то, возможно, она видела или слышала что-то полезное. Хэл указал на диван.

– Не возражаете, если я сяду?

– Конечно. Прошу вас, садитесь.

Хэл отодвинул в сторону квадратную подушку, украшенную черными и коричневыми геометрическими фигурами, и уселся в углу дивана. Диван был узким, с низкой спинкой, которая не доходила ему даже до лопаток, но подушки были упругими, а ткань – дорогой. Он закинул ногу на ногу, но обнаружил, что диван слишком низкий, чтобы на нем было удобно сидеть в такой позе, поэтому переставил ногу на коврик, а блокнот положил на колени. При его росте было великой редкостью найти в чужом доме удобную мебель. Почти всегда вещи оказывались слишком маленькими и тесными.

Особенно это касалось домов одиноких женщин.

Хэл открыл блокнот.

– И давно вы живете здесь?..

– Почти пятнадцать лет.

Хэл сделал пометку.

– Давно. Не возражаете, если я спрошу, сколько вам лет, мисс Флетчер... извините, Кэрл.

Она улыбнулась.

– Тридцать четыре.

Хэл мысленно произвел подсчет и удивился.

– То есть вы живете здесь с девятнадцати лет.

– Отец купил мне квартиру после смерти мамы. Своего рода утешительный приз с его стороны. Он ушел от нас, когда мне было три года.

Выдержав уважительную паузу, Хэл снова взялся за ручку.

– Когда мисс Стайн переехала сюда?

– Примерно месяца четыре назад. После Нового года.

– Вы знаете, где она работала?

– Кажется, она говорила, что работает в банке... – Мисс Флетчер умолкла. – Я даже не могу вспомнить, в каком именно. Точно не в «Уэллс Фарго»⁴. Во всяком случае, банк перевел ее сюда, в их новый филиал. Я не знаю подробностей.

Хотя Хэл и предвидел ответ, он все равно спросил:

– Насколько хорошо вы ее знали?

– Я была у нее пару раз, когда заходила выпить бокал вина. В основном мы просто следили за квартирами друг друга. Она кормила мою кошку, когда я в марте уезжала на неделю, а я поливала ее растения, когда она пару раз была в поездках по работе.

– У вас есть ключ от ее квартиры?

– В данный момент – нет. Она давала мне ключ, когда путешествовала или когда ей было нужно, чтобы я кого-то впустила.

Признаков взлома не было. У того, кто проник в квартиру, имелся ключ.

– Когда вы в последний раз впускали кого-то в ее квартиру?

– Где-то в феврале там был сантехник. Думаю, это последний раз.

– К мисс Стайн часто приходили гости?

⁴ «Уэллс Фарго энд Компани» – банковский холдинг, представляющий страховые и финансовые услуги в США, Пуэрто-Рико и Канаде.

– Трудно сказать, наши графики не совпадают.

– Вы работаете по ночам? – уточнил он.

– Вообще-то по утрам, – поправила она. – Я встаю около четырех и обычно работаю до двух или трех часов дня. После этого делаю свои дела и встречаюсь с друзьями. Обычно я ложусь в семь или восемь.

С четырех до двух – десятичасовой рабочий день. Да, те, что живут за счет трастового фонда, обычно так не вкальвают... Плюс необычный график работы.

– Понятно, – прокомментировал Хэл. – Не совсем соответствует стереотипу геймера, о котором мне подумалось.

– Я часто это слышу. Но большинство проблем с играми происходит рано утром, когда люди играют в течение длительного времени.

– Тогда вам точно пора спать.

– Я проснулась, когда мне позвонила сестра Виктории. Потом, когда она нашла свою сестру... после этого я уже не могла уснуть. – Ее взгляд остановился на стене.

– Значит, вчера вечером у вас не было гостей?

– Ко мне редко кто-то приходит. Мой бойфренд живет далеко, а я не большая любительница развлекать гостей.

Хэл отметил про себя дорогую мебель. Она не слишком подходила хозяйке. Возможно, мебель уже была в квартире, когда мисс Флетчер сюда переехала. Возможно, таков был вкус ее отца.

– Я понял. – Хэл тоже был не любитель принимать дома гостей, но в основном потому, что его квартира была размером со здешнюю кухню. – Имелись какие-то намеки на то, что Виктория была чем-то обеспокоена?

Кэрол, поджав губы, покачала головой.

– Нет. У нее все было хорошо, и я никого не видела.

– Вы случайно не в курсе, что прошлой ночью все камеры видеонаблюдения в здании были выключены?

– Нет, но меня это не удивляет. – Кэрол вздохнула. – В здании установлена совершенно устаревшая система. Она вырубается по нескольку раз в месяц.

Хэл сделал пометку. Даже если система видеонаблюдения вырубалась по нескольку раз в месяц, это совпадение ему совершенно не нравилось.

– Зданием управляет сторонняя компания?

– Нет. В здании работает около пяти консьержей. Самый новый – высокий, рыжий. Кажется, его зовут Лайам. Они работают посменно и, как мне кажется, неполный рабочий день. После трех здесь никого нет, вот почему Виктория попросила меня впустить ее сестру.

– Значит, ее сестра позвонила вам в домофон?

– Да, ее зовут Терри. Она приехала из Лос-Анджелеса, живет где-то там... Когда она приехала, то позвонила в домофон, и япустила ее в здание.

– Но у вас не было ключа от квартиры Виктории? – уточнил Хэл, просматривая свои записи.

– Нет. У Терри был свой ключ. Я лишьпустила ее в здание. Я собралась снова лечь в постель, когда услышала крик. Терри вошла в спальню и увидела свою сестру. Это было ужасно...

– Не сомневаюсь. Дайте мне знать, если вам понадобится минутка.

Кэрол посмотрела на свой чай и покачала головой.

– Когда Виктория должна была быть дома?

– Не раньше завтрашнего дня. У нее была тренировка в Сакраменто, и она должна вернуться около полудня.

Ее внимание вновь переключилось на ковер. Хэл по опыту знал этот взгляд. Она вспоминала тело. Люди, не привыкшие к смерти, часто реагировали именно так – отстраненный, рассеянный взгляд, скрещенные на груди руки, напряженная поза. Похоже, он выжал из нее столько, сколько мог.

Хэл встал, вытащил из заднего кармана бумажник и протянул свою визитку.

– Буду признателен за телефонный звонок, если вы вспомните что-нибудь полезное.

Кэрол взяла карточку.

– Конечно. Сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь.

Хэл поблагодарил ее за уделенное время и направился обратно в квартиру Виктории Стайн. Допрос получился так себе. Впрочем, удивляться нечему. Люди не знают своих соседей так, как раньше. Свидетели стали менее надежными. В начале его карьеры люди чаще обращали внимание на то, что делали их соседи; сейчас же почти все уже где-то записано – в «Фейсбуке» или «Инстаграме», – но никто больше ничего не видит и не знает.

В некоторых случаях Интернет существенно облегчал работу, но только не здесь. Этот случай явно потребует старомодных методов.

Вернувшись в квартиру жертвы, Хэл застал Роджера сидящим на корточках рядом с громоздким футляром, в котором хранился его набор для исследования места преступления. Пластиковая коробка была фута три с половиной в ширину и два в высоту; ее внешняя сторона была ярко-оранжевой, с черными ручками, которые защелкивались на каждом конце, удерживая крышку на месте.

В какой-то момент Роджер – или скорее кто-то из его детей – приклеил сбоку большой стикер с надписью «Сан-Франциско джайантс»⁵; судя по царапинам и потертостям на наклейке, она относилась к Мировой серии двухлетней давности.

Оттуда, где стоял Хэл, верхний свет падал на макушку лысой головы Роджера и отражался в ней, словно солнце.

Он страдал от универсальной алопеции – на его теле не было ни единого волоска. Раньше, ожидая результатов по тому или иному делу, Хэл не раз слышал, как Роджер объяснял свою проблему всем, кто входил в лабораторию и выходил из нее. И хотя тот никогда не стеснялся своей лысины, Хэл подумал, что эта тема должна была здорово ему надоесть, а потому оторыл где-то наклейку для бампера с надписью: «Кому нужны волосы, когда есть такое тело?».

Эта наклейка и по сей день красовалась на рабочем месте Роджера в лаборатории.

– Роджер, чувак, – сказал Хэл, подходя к нему. – Мне нужны темные очки.

Роджер, не поднимая глаз, рассмеялся.

– Это галогенные светильники, дружище. Отлично отражаются от лысины, не так ли?

Хэл погладил свою лысую голову.

– Думаю, да. Как я выгляжу?

– Боюсь, тебе до меня далеко, приятель, – сказал Роджер. – Чтобы это действительно работало, нужно быть одновременно полностью лысым и очень бледным. У тебя же есть только лысина.

– У меня есть несколько фоток, на которых я сияю довольно ярко. – Хэл прошел через комнату и встал рядом. – Нашел что-нибудь интересное?

Роджер кивнул.

– На самом деле пару вещей, – сказал он, поднимаясь на ноги. – На столе был только один бокал, но мы нашли в шкафу второй. Судя по всему, его мыли и убрали в большой спешке.

– Есть отпечатки?

⁵ «Сан-Франциско джайантс» – американский профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге. Мировая серия – главный бейсбольный поединок года, в котором встречаются чемпионы двух конференций лиги.

– Да. Отпечатки на обоих бокалах, но мы не узнаем, одинаковые ли они и кому именно принадлежат, пока не доставим их в лабораторию.

Если они вдвоем пили вино, то убийца был знакомым Стайн. Значит, он вымыл бокал только затем, чтобы уничтожить отпечатки? Или же пытался скрыть сам факт знакомства?

– Получается, что у нее был гость.

– Ты говорил с соседкой?

– Да, но она ничего не слышала.

– Здесь довольно толстые стены, – отметил Роджер. – Сомневаюсь, что услышишь соседей на другом конце коридора, если только не начать кричать во весь голос.

– Вот что значит район с высокой арендной платой.

– Надеюсь, что ты не шутишь. Ведь, судя по рынку недвижимости в этом городе, такие квартиры стоят по два или три миллиона.

Хэл присвистнул. Два или три миллиона... Примерно столько он заработал за все годы своей карьеры, а кто-то платит такие деньги примерно за тысячу двести квадратных футов жилой площади в месяц.

Арендная плата за его собственную квартиру составляла 4000 долларов. Он проработал в полиции шестнадцать лет и платил 1175 долларов. Деньги, за которые не снимешь даже дверной проем в переулке.

– С таким ценником они могли бы позволить себе систему безопасности понадежней.

– Пожалуй. – Роджер кивнул. – Наши айтишники сейчас проверяют ее. Они подозревают, что систему отключил вирус. Произошло это без пятнадцати минут три, то есть когда...

– Консьерж уходит с работы, – закончил за него Хэл.

– Верно.

– Итак, кто-то запустил вирус, и система вырубилась. Теперь можно легко проскользнуть внутрь и выйти, оставшись незамеченным.

Это предполагало планирование, но Хэл и без того уже знал: убийство Виктории Стайн не было актом слепой ярости. А значит, найти виновного будет гораздо сложнее.

Хэл попытался представить Анну замужем за типом, способным на нечто подобное.

– Все может быть гораздо проще, чем кажется. По словам консьержа, у них регулярно возникают косяки с вирусами. Из-за того, что айтишники ночами грузят обновления, возникают проблемы с их антивирусным ПО.

Хэл провел по голове ладонью.

– То есть ты утверждаешь, что это не было спланированным вторжением в компьютерную сеть? Довольно странное совпадение...

– Безусловно, – согласился Роджер. – Все произошло за пятнадцать минут до конца смены. Консьерж утверждает, что он позвонил в службу технической поддержки и ждал обратной связи, но когда он сообщил своему боссу, что должен остаться, тот разрешил ему ехать домой. Парень говорит, что остался бы. Тем более что ему заплатили бы сверхурочные.

– Значит, никакого видеонаблюдения не было?

– Компьютерщик пообещал, что попробует найти источник вируса и отследить его. Но, возможно, мы ничего не получим.

– Значит, кроме бокала и несработавшей системы безопасности, больше нет ничего примечательного?

– Пока нет. Мы забрали цветы, чтобы сравнить их с теми, которые принесли под дверь доктору Шварцман. До сих пор они не стояли в списке приоритетов.

Хэл тяжело вздохнул, понимая, что теперь все, так или иначе, переключат внимание на Анну. Будут сравнивать букеты на предмет сходства, изучать отпечатки пальцев и клетки эпителия, которые дадут возможность провести тесты на ДНК...

Все, что угодно, лишь бы это вывело на убийцу.

– Это займет несколько дней. А еще мы собрали весь мусор из кухни и ванных комнат. Пробежимся по нему в поисках отпечатков и улик. Ищем также бутылку вина. На полу в кухне есть следы разбитого стекла, но самого стекла в мусорном ведре нет. Я уже поручил перебрать содержимое мусорных баков.

– Нам повезет, если мы сможем найти приличные отпечатки.

– Будем надеяться, – сказал Роджер. – Ты разговаривал с сестрой жертвы?

– Пока еще нет, – ответил Хэл. – Стайн должна была вернуться не раньше завтрашнего полудня, поэтому у сестры был ключ, чтобы войти в квартиру. Соседка впустила ее через парадную дверь, – добавил он. – Я проверю ее.

Квартира мало что рассказала о жертве, так что теперь им нужен был список друзей и рабочие контакты. Кто-нибудь наверняка что-то знает. Главное – выйти на след. Для начала хватило бы всего одной хлебной крошки...

Роджер вытащил из кармана пластиковый пакет.

– Кен забрал это и отдал мне.

Хэл перевернул пакет и посмотрел на квитанцию внутри.

– Квитанция за бензин. Терри Стайн заправилась на Васко-роуд в Ливерморе в девять пятьдесят.

Он достал телефон, чтобы определить расстояние от Ливермора до квартиры Стайн.

– Я уже проверил по «Гугл»-картам, – сказал Роджер.

– И?..

– Оплата была сделана за час двадцать пять минут до того, как нам позвонили, – сказал Роджер. – Оттуда ехать не меньше часа, примерно час десять минут.

Хэл положил телефон обратно в карман.

– Железное алиби. Она не успела бы приехать сюда, убить сестру, убрать квартиру, разложить труп, уйти, вернуться, попросить соседку впустить ее и позвонить нам. Плюс... – Он вспомнил фото, которым поделился Кен Мэйси: миниатюрная женщина, свернувшаяся клубком на диване.

– Твое чутье говорит «нет», – сказал Роджер.

– Что-то типа того.

– Мое тоже.

Они оба доверяли своим инстинктам. Сестра не была убийцей.

Хэл покопался в памяти в поисках всех, кто так или иначе выделялся из толпы. Убийца обставил место преступления как театральную сцену, а значит, мог затаиться где-то поблизости, чтобы понаблюдать за реакцией. Наоми фотографировала людей на улице, но большинство из них были одеты в пижамы и собирались небольшими группами. Скорее всего, соседи. Никто не выглядел человеком со стороны.

– Есть другие зацепки? – уточнил Роджер.

Передавая тому квитанцию, Хэл посмотрел на тех, кто стоял ближе всего к месту происшествия. В их числе была и Кэрол Флетчер.

Однако платье жертвы, букет, кулон, перенесенное на постель тело – все это давало понять, что в убийстве присутствует сексуальный элемент и что это явно не тот случай, когда две соседки ссорятся из-за очередности полива растения, разделявшего их входные двери.

– Хочу проверить здешних консьержей. Один из них новый, парень по имени Лайам. Затем мы попробуем поговорить с коллегами Стайн. Ничего другого пока предложить не могу.

А еще он должен был найти бывшего мужа Шварцман. У Хэла с трудом укладывалось в голове, что какой-то мужчина способен отыскать женщину, похожую на его бывшую жену, убить ее и устроить подобие перформанса с цветами и кулоном на шее. Если он хотел до смерти напугать Анну, то почему не ворвался к ней в дом? Или не напал на кого-то, кого она знала лично? Ведь между Викторией Стайн и Аннабель Шварцман на первый взгляд не было ника-

кой связи, кроме внешнего сходства и того, что они обе родом из соседних городков, расположенных на другом конце страны.

Желтые цветы и кулон.

Недостаточно.

Цветы? Два букета вряд ли можно считать убедительной уликой.

Кулоны? Довольно легко допустить, что существуют два одинаковых экземпляра. Да, Анна думала, что отец заказал этот кулон в качестве подарка для ее матери. Милая, романтическая история, но необязательно правдивая.

И все же кулон не шел у него из головы. Дизайн был уникальным, а обе вещицы – идентичными. Хэл отказывался поверить в то, что эти кулоны – обычное совпадение.

Роджер загрузил инструменты в чемоданчик.

– Я получил кулон от Хейли. Свяжусь с вами, как только раздобуду какую-нибудь информацию.

– Давай проверим их как можно скорее, – попросил Хэл. – Хотелось бы знать, где они были сделаны.

Прежде всего он хотел исключить возможность того, что кулоны – дело рук одного и того же человека; ведь если это так, то след должен привести к бывшему муженьку Шварцман, а Хэлу чертовски хотелось надеяться, что это не так. Ведь в противном случае это означало бы, что она была замужем за настоящим чудовищем.

– Да, – согласился Роджер. – Я расставил приоритеты.

Хэл похлопал его по спине.

– Спасибо, Роджер. Поспи, чувак.

– Ты тоже.

– Ага, попробую. – Хэл не был уверен, что у него вообще получится сомкнуть глаза. Шварцман заставила его поволноваться. Если ее бывший решил поиграть, зачем делать правду такой очевидной?

Но и это еще не все. Хэл ощущал знакомый дискомфорт в зубах – болезненное ощущение, проникавшее в каналы коренных зубов, когда он ел слишком много сахара или пытался отрицать факты в ходе расследования.

Неужели для этого парня убийство – не более чем просто игра? И если он играл в какую-то извращенную игру, то что будет дальше?

5

Сан-Франциско, Калифорния

Шварцман поехала в теплой квартире и потуже затянула пояс на толстом шерстяном свитере. Термостат на стене показывал семьдесят градусов⁶. Все еще семьдесят. Она проверила это трижды, но ей по-прежнему казалось, что на самом деле температура в комнате гораздо меньше.

На кухне она вылила остывший чай в раковину и налила новую кружку из закипевшего чайника. Прижала кончики пальцев к фарфору и терпела до тех пор, пока им не стало больно.

Почему она решила сделать это здесь? Можно было бы поехать в участок и рассказать все там. Но теперь Хейли и Хэл уже на пути к ней домой. Чтобы ей лишний раз не дергаться, учитывая ее положение.

В ее квартире.

Коробка стояла на журнальном столике. Коробка из-под кроссовок «Найк», оранжевая, замусоленная, выцветшая.

Все доказательства, какие только у нее были.

Она вздрогнула от трели звонка.

– Доктор Шварцман, это Алан, ваш консьерж. К вам пришли инспекторы Харрис и Уайатт.

К ней пожаловала полиция. Что подумает консьерж? Какие слухи теперь поползут о ней? Впрочем, какое ей дело? Вокруг были чужие люди, целое здание чужих людей.

– Спасибо, Алан. Пропустите их, пожалуйста.

Ожидая Хэла и Хейли, Шварцман подошла к антикварному буфету в гостиной, где рядом с двумя хрустальными бокалами, еще отцовскими, стояла бутылка бурбона «Эван Уильямс», и попыталась представить отца рядом с собой. Боже, как же ей хотелось, чтобы он сейчас был рядом!

Шварцман как раз отпила чай из кружки, когда прозвенел дверной звонок.

Она открыла дверь и застыла, чувствуя себя неловко. Во-первых, они никогда не были у нее дома, а во-вторых, это не светский визит.

Стрелки часов показывали полночь. Анна машинально отметила, что поздний час казался на них не меньше, чем на ней самой.

Темные кудри Хейли сзади были собраны в импровизированный пучок, пряди свободно падали на лицо. Косметики на ней не было, но щеки оставались румяными, как будто она недавно терла их скрабом, а под глазами залегли темные тени. На лице Хэла уже выросла щетина – кстати, с проседью. Шварцман провела их в гостиную, села на подлокотник дивана, подобрала ноги и натянула на колени свитер. Предложила было заварить чай, но они оба вежливо отказались.

– Извини, что пришли так поздно, – сказала Хейли.

Неужели они встретились заранее? И поэтому им понадобилось дополнительное время? Она попыталась прочесть выражения их лиц, но они не смотрели друг на друга. Они смотрели на нее. Шварцман покачала головой.

– Все хорошо. Я не спала.

– С тобой все в порядке? – спросил Хэл и, опираясь локтями в колени, подался вперед в кресле. Даже огромное кресло по сравнению с его ростом казалось карликовым.

⁶ 70 градусов по Фаренгейту – чуть больше 21 градуса по Цельсию.

В планы Анны не входило обмениваться любезностями. Она хотела знать, что им известно, хотела поделиться с ними этим случаем, как с коллегами. Она нервничала, ерзала, теребила подол своего свитера. Ей хотелось задавать вопросы.

– Шварцман!

– Как и ожидалось, – сказала она. Избитая отговорка. Их у нее немалый запас. Но нет. У нее не все в порядке. Даже близко нет.

– Давайте покончим с этим.

– Что ты можешь рассказать о нем? – спросила Хейли.

Анна поставила чашку с чаем на стол. В предстоящем разговоре не было утешения. Когда дело касалось Спенсера, никакого утешения не было вообще.

– Ты одна из нас, Шварцман, – напомнил Хэл.

Ей очень хотелось верить, что на этот раз все будет иначе. То, что она одна из них, многое меняло.

– Мы на твоей стороне. Это не допрос. Мы лишь просим тебя рассказать все, что могло бы помочь прижать этого негодяя.

– Вы не сможете связать это с ним, – возразила Шварцман. – Никто никогда не смог связать его ни с чем из того, что он делал.

– Об этом болеть нашим головам.

Сможет ли она это сделать? Передать Спенсера кому-нибудь другому, чтобы этот другой взял расследование на себя?

Никто никогда не просил ее это сделать.

Как же ей хотелось сбросить с себя это бремя или хотя бы поделиться им! Но ей было страшно. Что если она им расскажет, а они ей не поверят? Что если улики указывают на что-то еще?

Как она сможет изо дня в день работать бок о бок с ними, после того как поделилась самой страшной частью своей жизни?

– Расскажи, как вы с ним познакомились. Как это началось? – попросила Хейли.

Сорви пластырь. Покончи с этой болячкой.

– Мне было двадцать три года, я как раз заканчивала третий курс медицинского факультета.

– В конце третьего курса тебе было двадцать три года? – повторил Хэл.

Будучи молодой студенткой, Анна думала лишь об одном: как бы поскорее завершить образование. Бакалавриат за три года, медицинский факультет за три года. Многие так делали. Она тоже могла это сделать. Чем раньше она окончит колледж, тем скорее сможет найти работу. Вся предыдущая жизнь была не более чем подготовкой. Она мечтала уехать с юга, начать жизнь в каком-нибудь другом месте...

– Я училась по ускоренной программе.

На самом деле даже по двум.

– Вы с ним вместе учились в колледже?

– Нет. Когда я училась в Дьюке, он работал в Гринвилле. Он был всего на три года старше, но уже очень хорошо зарекомендовал себя в банке.

Он сказал ей, что они созданы друг для друга. «Подумай, какими умными будут наши дети». Как мило это звучало...

– Давай дальше, – сказал Хэл. Мягко, но настойчиво.

Давай, не тяни резину. Расскажи им и покончи с этим делом.

– Мой отец умер в мае того же года. Скоропостижно скончался.

Слова тяжелым камнем легли на грудь. Будь отец жив, она никогда не вышла бы замуж за Спенсера. Как передать всю тяжесть этой потери? Как рассказать, что значил для нее отец?

Имело ли это значение? Грудь защемила знакомая боль утраты.

– Я осталась с матерью. Она была... – Как ее описать? Казалось, что отец был вообще безразличен своей жене, так как она держалась с ним резко, а порой так и вовсе откровенно грубо, – но когда его не стало, сломалась. – Ей было очень тяжело.

Мне тоже. Отец был кумиром, ближайшим другом, и его смерть стала настоящим ударом.

– Мать столкнулась со Спенсером в банке, когда разбиралась со счетами моего отца. И однажды вечером Спенсер оказался в доме. В нашем доме.

Мать потребовала, чтобы Анна нарядилась, потому что у них в гостях один из коллег отца по банковскому делу. Так Спенсера назвала мать, а Анна и не спорила. В те дни она старалась избегать споров, поскольку каждый из них не приносил ничего, кроме морального и физического истощения.

– Наше первое свидание состоялось на следующей неделе.

– Каким он был? – спросила Хейли.

Монстром.

Говорить о нем – словно потянуть за полоску кожи и обнажить под ней дермис. Обнаженная, кровоточащая правда жгла и саднила.

– Обаятельным, – призналась Шварцман. – Очень обаятельным. Он очаровывал всех. Люди постоянно останавливались у столика, и он разговаривал с ними. Затем просил извинить его, чтобы он мог уделить внимание своей девушке. Это льстило. – Она вспомнила клуб, свое темно-синее платье на пуговицах. – Он пригласил меня к себе домой и изнасиловал.

– О боже, – прошептала Хейли.

Хэл потер лицо.

– Господи, Шварцман...

Она судорожно вздохнула и сжала в кулаке свитер.

– Ты сообщила об этом в полицию? – спросила Хейли.

Шварцман засмеялась. Ее смех был настолько резким и безрадостным, что Хэл вздрогнул.

– Я была девственницей. Я не знала, что мне делать. Я даже не могу вспомнить, разозлилась ли я, но точно помню, что сказала ему прекратить. Я боролась с ним. Сопротивлялась. Но в этом и заключались чары Спенсера. Он мог изнасиловать вас или избить, а потом убедить, что это ради вашего же блага.

– Когда ты увидела его снова? – спросила Хейли.

– От него ничего не было слышно десять дней. Моя мать была в панике, уверенная, что я упустила свой шанс. Конечно, я так и не рассказала, что он сделал. Когда он наконец позвонил, не знаю, кто вздохнул с большим облегчением – мать или я.

– И как долго вы были женаты? – спросила Хейли.

– Чуть больше пяти лет. – Когда-то она помнила количество месяцев и дней.

– И он издевался над тобой в течение вашего брака?

Шварцман кивнула. Огромная лапища Хэла легла ей на кисти рук и полностью накрыла их. Этот жест помог ощутить себя в безопасности.

– Ты когда-нибудь вызывала полицию? – спросил он.

– Ни разу.

Он выглядел разочарованным: не мог взять в толк, что это такое – остаться, потому что на тебя все давят. Мать, муж, окружающие. Она была южанка и носила под сердцем его ребенка. Казалось, у нее вообще не было выбора.

– Почему ты ушла? – спросил он.

– Я была беременна. Четыре месяца и... – Твердая мраморная плита врезалась ей в живот, ребенок с силой ударился о позвоночник. – Я потеряла ребенка, когда Спенсер отшвырнул меня к письменному столу.

– Боже, какой кошмар, – ужаснулась Хейли, глядя на нее остекленевшим взглядом. – Ты сказала врачам, что стало причиной выкидыша?

– С врачами разговаривал Спенсер. Он все улаживал сам. Чем дольше длился наш брак, тем меньше у меня было контактов с внешним миром.

– И выкидыш помог осознать, что тебе нужно уйти? – спросил Хэл.

– Не совсем. – Шварцман вспомнила ту девушку. *Кейтлин*. Ее длинные рыжие локоны, ее светлую кожу... – Примерно в то же время в загородном клубе Спенсера жила семья, из тех, что производят впечатление идеальных. Отец – член местного самоуправления, мать из состоятельной южной семьи, занимающаяся благотворительностью, и двое детей: старший сын, член футбольной и баскетбольной команд, и младшая дочь, которая принимала участие в соревнованиях по выездке лошадей и скачкам. Через неделю после моего выкидыша девушка – Кейтлин – упала с лошади. Сломала спину.

Врачи считали, что Кейтлин больше не встанет на ноги, но чей-то доктор предложил поехать в Джорджию для новой, экспериментальной операции. Это было как-то связано с иммобилизацией позвоночника и использованием стволовых клеток для восстановления поврежденной области.

Весь город переживал за их семью. Они были активными прихожанами местной церкви, и в течение нескольких недель каждое воскресенье все молились о выздоровлении Кейтлин.

– Я перейду к главной части, – сказала Анна, видя, что ее слушатели заерзали. – Через несколько недель после несчастного случая родные Кейтлин выкатили ее на улицу. Она была в инвалидном кресле с опорой для головы, но была одета красиво, как кукла. Великолепное платье, ухоженная кожа и волосы. Она действительно была красивой молодой женщиной. – Шварцман потянулась за чашкой и умолкла. *Ну, давай же, говори*. – Спенсер помешался на ней.

– На Кейтлин? И сколько ей было лет? – Хэл приготовился записывать.

Шварцман вспомнила, как Спенсер смотрел на Кейтлин, то, какую ревность будил в ней этот взгляд. Все в ней восставало против него, но этот полный тоски взгляд был таким сильным, таким пристальным... Она чувствовала себя голой, потому что он был нацелен на кого-то еще. Нет, Спенсер был одержим вовсе не Кейтлин. Вскоре она обнаружила, что ситуация на самом деле гораздо хуже.

– Возможно, чуть за двадцать. Спенсер никогда не позволял себе по отношению к ней ничего предосудительного, но он стал одержим идеей об идеальной женщине в инвалидном кресле. Ему нравилось думать, что кто-то должен заботиться о ней двадцать четыре часа в сутки, что она совершенно беспомощна. Мне кажется, это будило в нем невероятный драйв. Спенсер начал изучать ее болезнь и перенесенную операцию.

– Не понимаю, – сказал Хэл. – Какое это имеет отношение к тебе?

Анна могла легко представить, как это звучало для него. Как дико, как нереально. Она зашла слишком далеко. Что если они ей не поверят? Она всматривалась в лицо Хэла, но оно было напряженным, каменным.

– В течение нескольких недель ничего не было. Но затем Спенсер начал намекать на боль, которую я испытала как последствие выкидыша. Когда я налетела на комод, ребенок... – Она умолкла. – Он просто ушиб мне спину, но Спенсеру хотелось думать, что я получила серьезную травму.

– Потому что он хотел, чтобы ты была похожа на ту женщину? В инвалидной коляске? – почти беззвучно шепнула Хейли. Эти слова слишком ужасны, чтобы она могла произнести их громко. Хэл так и вовсе ничего не сказал, только удивленно разинул рот.

– Знаю, это звучит безумно, но я почти видела, что он пытается придумать, как сломать мне спину, при этом не убивая меня, чтобы создать свою собственную Кейтлин.

– О господи! – воскликнул Хэл.

– Он что-нибудь пытался сделать? Я имею в виду, он делал тебе больно? – спросила Хейли.

– Нет.

Как бы он собирался заботиться о ней, если б она действительно оказалась в инвалидном кресле? Но нет, он не собирался. Он бы нашел для этого кого-то еще. И что потом? Устал бы он от нее? Ожидал бы, что какой-нибудь хирург сотворит чудо, чтобы она снова могла ходить?

– Настоящая опасность Спенсера в том, что он страшно расчетливый. И бесконечно терпеливый. Он начал работать над проблемой, и вопрос был не в том, сделает ли он это, а в том, *когда*. Не знаю, как близок к поставленной цели он был, когда я ушла, но я знала: он что-то задумал. Знала, что времени у меня в обрез. И то, что для побега мне нужно было несколько часов, а он редко так долго не проверял меня. Но одна из его коллег проводила благотворительную акцию и попросила меня помочь. А я сказала ей, что нужна дома. Спенсер не любил, когда мои обязательства держали меня вдали от него.

– Это похоже на тюрьму – сказала Хейли.

– Это и была тюрьма. Даже хуже.

Если выбирать между тюрьмой и Спенсером, Шварцман предпочла бы первое. Ни одна тюрьма не сравнится с набором правил и безграничным запасом жестокости ее бывшего.

– Эта женщина посетовала перед своим мужем, что без меня все будет иначе, а тот поговорил со Спенсером, и я была включена в список.

Это был любимый трюк Спенсера. Он всегда знал, если Анна отказывала кому-нибудь из его коллег, и заставлял ее заменить отказ согласием. Это был весьма ненадежный метод, но в тот раз все сработало так, как нужно.

– Я приехала туда, где проводилась благотворительная акция, получила задание вместе с группой незнакомых женщин – и спрятала свой мобильник в одном из диванов, чтобы Спенсер мог отследить его. Затем незаметно вышла на улицу и заплатила наличными за такси до дома моей тети Авы в Чарльстоне. Я боялась, что он может нагрянуть туда, но она позаботилась о том, чтобы за домом велось наблюдение.

Те дни, когда Анна пряталась у Авы, какой бы испуганной она ни была, оказались первыми моментами радости за многие годы. Ава заказывала еду. Они не ложились спать допоздна, ища в Интернете медицинские школы, куда Шварцман могла бы повторно поступить.

Ава спасла ей жизнь. Если б не сестра отца, Анна даже представить не смогла бы, что уйдет.

– Я оставалась там дней десять, пытаюсь понять, что будет дальше. Затем мы с Авой сели в лимузин, приехали в Атланту и там сели на самолет. С тех пор я не видела Спенсера. Прошло уже семь с половиной лет.

– И он не оставил тебя в покое? – спросила Хейли.

– Нет. Он всегда находил меня.

– Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, Шварцман. – Хэл потер лицо. – Мы найдем этого ублюдка, независимо от того, убивал ли тот Викторию Стайн или нет. – Он указал на коробку из-под кроссовок «Найк». – Это все, что накопилось за эти годы?

– Да. И здесь также все записи частного детектива, которого я нанимала.

– Не возражаешь, если я возьму ее себе?

Анна подумала о том, как долго она носила эту коробку с собой. Наполняла ее, что-то в нее добавляла, что-то изучала...

Нанимала детектива.

Хэл хотел взять расследование на себя. Он поклялся прижать Спенсера. Она уже давно разуверилась, что такое возможно.

«Ну, разве что чуть-чуть. Совсем чуть-чуть», – подумала Шварцман, передавая коробку Хэлу.

– Это все твое.

– Мы передадим это Роджеру, – сказал Хэл.

– Честно говоря, я не думаю, что там найдется что-то полезное. Записки, открытки... никто не поверит, что от них он перешел к убийству.

Хэл обнял ее свободной рукой за плечо и легонько притянул себе. Ее отец не был крупным мужчиной, но Анне на мгновение показалось, что он наблюдает за ней. Что это он неким образом прислал к ней Хэла и Хейли. Ощущая рядом с собой спокойную силу Хэла, она даже позволила себе немного прильнуть к нему. Сколько времени прошло с тех пор, как она позволяла себе опереться на кого-то?

– С тобой все будет хорошо, – сказала Хейли. В этих словах Шварцман услышала голос отца. *Все будет хорошо, милая девочка.* Как часто он это говорил?

Как ей хотелось в это верить!

Хэл отпустил ее. Все трое молча подошли к двери.

Анна подумала о том, какой разговор они будут вести в лифте. Спросят ли, почему она терпела такое обращение? Изменит ли это их мнение о ней? Вдруг они подумают, что она была слабой?

– Мы свяжемся с тобой утром, – пообещал Хэл.

– Отдохни, – добавила Хейли.

– Вы, ребята, тоже.

Прежде чем свернуть в коридор, Хейли протянула руку и сжала ей кисть. Шварцман ощутила солидарность. Они были командой. Она больше не одна наедине со Спенсером.

Увы, как только дверь закрылась, Шварцман поняла, что это неправда.

Она налила себе на один палец бурбона и залпом проглотила его. Крепкий напиток обжег горло, и Анна закашлялась, прижав к губам тыльную сторону ладони.

Зря она привела их сюда. Это было ошибкой. Ей следовало поехать в участок. Проблема была не в Хейли и не в Хэле. Она с радостью пригласила бы их в гости. Но, перенеся к себе домой этот разговор, она впустила сюда и Спенсера.

После долгих лет борьбы за то, чтобы держать его на расстоянии, она только что открыла дверь и впустила его в свой дом.

6

Чарльстон, Южная Каролина

Детектив Харпер Лейтон разделявала куриные грудки, пока на сковороде нагревалось масло. Окно над кухонной раковиной было открыто, но это не помогало: воздух снаружи был неподвижным и влажным.

Раньше в мае в Чарльстоне бывало прохладнее, но сегодня термометр в патрульной машине показывал восемьдесят пять градусов⁷.

Слишком жарко для мая. Значит, июль будет сушим пеклом.

Харпер ловко орудовала ножом. Она держала в руках нож или, по крайней мере, сковородку и кулинарную лопатку с раннего детства. Впрочем, разве можно ожидать иного от девочки, выросшей в задней комнате родительского ресторана? Для нее готовить было столь же естественно, как водить автомобиль, хотя она и не испытывала никакого удовольствия ни от вождения, ни от готовки. Как правило – и особенно этим вечером. Она вернулась с работы всего пятнадцать минут назад и до сих пор не сняла полицейскую форму.

Харпер планировала вернуться домой в шесть тридцать или семь, чтобы приготовить ужин прежде, чем Джед заберет Люси с тренировки по волейболу и вернется домой, но часы уже показывали почти девять.

В такие вечера она всегда старалась готовить что-то быстрое, и первым в ее списке был жареный цыпленок по папиному рецепту: набить пакет с застежкой «зиплок» мукой, солью, перцем, паприкой, добавить две щепотки кайенского перца. Папа делал это тысячу раз, причем на глазок. Половину времени он вообще не смотрел, что делают его руки.

Сегодня Харпер тоже все делала на глазок: она слишком устала, слишком торопилась, слишком спешила поставить ужин на стол и, наконец, сесть. Может, тогда наконец удастся выбросить из головы те дела, которые на ней числились: два убийства и один случай домашнего насилия, переросший в перестрелку, в результате которой погиб сосед за примыкающей стенкой...

Между первыми допросами, последующими допросами и двумя поездками в криминалистическую лабораторию детектив провела за рабочим столом всего пару минут, которых хватило ровно на то, чтобы выпить две таблетки от головной боли и сделать один телефонный звонок.

Харпер помяла курицу, чтобы размягчить замороженные кусочки, налила в нержавеющей миску пахту, по очереди замочила в ней грудки, хорошенько потрясла их в пакете, пока на них не налип слой специй, и бросила на сковороду. Масло потрескивало и шипело, вызвав в памяти шум переполненного ресторана, грудной смех отца и запах ванильного крема – коронного блюда матери.

Ей подумалось, что Люси наверняка проголодается как волк. Войдет в дом в типично подростковой манере: грохот гаражных ворот, стук захлопнувшейся двери, за ним второй, тише и мягче, со стороны водителя, когда из машины выйдет Джед. Через четыре быстрых вдоха дверь кухни распахнется; обувь, рюкзак, снаряжение, коробка для завтрака и бутылка с водой будут свалены в кучу на пол, а их владелица пройдет мимо и, громко топая, поднимется по лестнице.

В свои пятнадцать Люси была предсказуема лишь в том, что касалось перепадов ее настроения. Десять лет назад, когда их дочь достигла школьного возраста, Харпер и Джед установили ряд домашних правил, самое первое из которых заключалось в том, что пальто, сумки, обувь и тому подобное нужно вешать или убирать с дороги к гаражу.

⁷ 85 градусов по Фаренгейту – 29,4 градуса по Цельсию.

Домашние правила рухнули где-то прошлой весной, когда Люси превратилась в... в ту, в кого она превратилась. То, как ее вещи были разбросаны по всему дому, могло представлять пожароопасность.

Харпер перевернула первую грудку. Масло заискрилось и брызнуло в нее. Схватив с крючка фартук, она надела его поверх полицейской формы. У нее просто не было времени переодеться, перед тем как встать к плите. Вторник и среда были самыми тяжелыми днями, потому что Харпер работала десятичасовую смену; и это были самые загруженные дни в лаборатории для Джеда.

Она проверила томящееся в духовке печенье, благодарная матери за тесто, которое та принесла ей на выходных, и еще больше благодарная самой себе за то, что не испекла его к воскресному ужину.

Когда их дочери было два или три года, Харпер сказала Джеду, что хочет еще одного ребенка. Тогда его прагматичное «нет» обидело ее, но теперь она с трудом представляла, как бы они растили двоих детей.

Харпер вынула из духовки печенье. Распахнула дверцу холодильника, нашла бутылку пива и толкнула дверь бедром, чтобы закрыть. Крышка на бутылке оказала сопротивление – вероятно, открывашка начала изнашиваться от частого использования, – но детектив победила. Крышка отправилась в мусор, а Харпер поднесла бутылку к губам. Как раз за мгновение до того, как гаражная дверь с грохотом распахнулась.

Джед вошел первым. Лицо его было хмурым.

Харпер поставила пиво.

– Что не так?

– По словам твоей дочери, все.

Люси всегда была дочерью Харпер, когда бывала невыносима. Но если на нее жаловалась Харпер, то тогда она была дочерью Джеда.

– Хочешь пива?

– Не откажусь, – сказал он и закатил глаза.

Харпер протянула мужу бутылку.

– Люси закатывает глаза получше.

– Знаю. Мне бы ее практику... – Джед раздраженно вздохнул. Это была еще одна излюбленная манера Люси.

Харпер открыла холодильник, чтобы достать второе пиво.

Зазвонил телефон.

– Думаешь, это звонит Люси, сидя в машине?

Рука Джеда зависла над беспроводной трубкой.

– Если да, то сидеть ей безвылазно дома целый месяц... Алло. – Улыбка тотчас погасла, и он поставил бутылку. Харпер закрыла холодильник. – Хорошо, Кэти. Подожди секунду. Она тут рядом.

Харпер подошла к телефону. Джед прикрыл ладонью микрофон.

– Фрэнсис Пинкни мертва.

У Харпер перехватило дыхание.

– Мертва?

– Твоя мать только что нашла ее.

Детектив потянулась к телефону, но прежде чем смогла что-то сказать, гаражная дверь с грохотом ударила о стену кухни.

Войдя в дом, Люси со стуком скинула обувь, швырнула рюкзак и пакет из-под ланча на пол, шагнула к кухонному столу и рухнула на стул.

– Помираю с голоду, – объявила она. – Что на ужин?

7

Чарльстон, Южная Каролина

Когда Харпер подъехала к дому Фрэнсис Пинкни, фургон коронеров⁸ был уже там. У Чарльстонского округа имелось три таких фургона, и тот, что стоял на тротуаре, был самым старым, лет на десять древнее всех остальных. Заржавевшие ниши колес и дребезжание, которое можно было услышать за целый квартал, снискали ему прозвище «Бесси»⁹.

То, что на тротуаре была припаркована именно «Бесси», означало, что сегодня дежурит Берл Делфорд. Он единственный из судмедэкспертов выбирал старый фургон. Как раз в этот момент дверь со стороны водителя с оглушительным скрежетом открылась, и Берл спустился с сиденья на землю – вернее, первыми спустились его ковбойские сапоги.

– Добрый вечер, детектив. – Он кивнул.

Берл был почти шести футов ростом и носил густую седую шевелюру, длинноватую по меркам Чарльстона. К шевелюре прилагались густые усы – якобы с тех самых пор, как у него на лице появилась растительность.

Судмедэкспертом Берл проработал тридцать пять лет.

Закоренелый холостяк, не имеющий детей, он проводил свободное время в мотоклубе баптистов под названием «Благочестивые байкеры». Харпер была рада, что сегодня здесь именно он. В отделе коронеров была хорошая команда, но Берл был служакой старой закалки. Как хорошо, что к Фрэнсис Пинкни прислали именно его.

– Добрый вечер, Берл.

– Тебя снова выдернули из дома? – поинтересовался он.

– Нет. Я позвонила и сказала, что возьму это на себя, так как она наша старая знакомая, – отозвалась Харпер, выросшая вместе с сыном Фрэнсис, Дэвидом.

Надо будет обязательно позвонить ему. Уведомления были самой сложной частью ее работы, а хуже всего были уведомления по телефону, когда она не могла коснуться плеч или рук, чтобы хоть как-то поддержать родных в их скорби.

– Слышал, что ее нашла твоя мать, – сказал Берл.

– Харпер! – Словно услышав, что разговор идет о ней, мать Харпер бросилась через тротуар к дочери.

Ее движения были скованные и медленные. Из-за них она казалась гораздо старше своих шестидесяти восьми.

Прижав ко рту салфетку, Кэти Лейтон крепко обняла Харпер и уткнулась лицом в ее плечо. Харпер уловила запахи лука, креветок в остром каджунском соусе, а также свежеепеченного печенья и ванильного крема. Мать была такой мягкой, такой уязвимой, что ей стало не по себе.

– Не могу поверить, что это случилось с Фрэнсис, – сказала Кэти. – Я в воскресенье видела ее в церкви. Сидела в ряду позади нее.

Харпер пропустила церковную службу, чтобы отвезти Люси на волейбольный турнир в Миртл-Бич.

– Мне очень жаль, мама. Тебе лучше пойти домой. Папа здесь?

Миссис Лейтон отстранилась от дочери и натянула на широкие бедра хлопковую рубашку, словно собиралась взять себя в руки.

⁸ Коронер – должностное лицо, расследующее смерти по неестественным причинам и непосредственно определяющее данные причины.

⁹ Бесси – одна из персонажей популярного мультфильма «Тачки».

– Нет, – вздохнула она. – Я не могу связаться с ним. Он пошел в бар. Как обычно по вторникам.

– Верно. – После выхода на пенсию отец каждый вторник составлял компанию трем другим пенсионерам, чтобы поиграть в картишки и выпить виски. – Ладно. Я найду кого-нибудь, чтобы отвезти тебя за папой.

Харпер одной рукой обняла мать и погладила ей плечо так же, как когда-то та гладила плечо ей самой. Возможно, так и должно быть.

Кэти вскрикнула и содрогнулась, по ее щекам вновь потекли слезы. Харпер взяла у нее бумажный носовой платок и вытерла ей щеки.

– Расскажи мне, что случилось.

– Мне позвонила ее соседка. Кимберли Уокер. Ну, ты знаешь, та, что иногда работала в закусочной, когда ты училась в старшей школе. Всегда такая приветливая и веселая, но вечно совала нос в чужие дела. Ну, ты понимаешь, о чем я. В итоге она вышла замуж за вдовца Тедди Дэвиса, который живет сразу за домом Фрэнсис. Помнишь ее?

Харпер покачала головой.

– Она рассказала мне, что собака Фрэнсис весь вечер воеет, пока они с Тедди сидят за ужином и смотрят вечерние телепрограммы. Конечно, Тедди это не беспокоит, потому что он ничего не слышит. Она так много говорила о собаке, что я попросила ее позвонить мне, как только пес снова начнет лаять.

– И она позвонила, около восьми сорока, – продолжила мать. – Сказала, что Купер – это собака – поднял ужасный лай. Я посоветовала ей позвонить в дверной звонок, и она сказала, что уже звонила, но Фрэнсис не ответила. Не понимаю, почему, ради всего святого, она просто не заглянула в окно. Она бы увидела Фрэнсис прямо там, на полу у лестницы. – Миссис Лейтон еле сдерживала слезы. – Никогда не забуду, как она лежала там на полу... Боже, это надо же так вывернуть шею!

Харпер выпустила плечи матери, погладила ее по спине и достала блокнот.

– Ты отлично держишься, мама. Еще несколько вопросов.

– Конечно.

– Ты пришла сразу после звонка Кимберли?

– Нет. Сначала я попробовала позвонить Фрэнсис. Пару раз на домашний телефон, потом на мобильный. Она его вечно держит выключенным, поэтому звонок пошел прямо на голосовую почту. Но обычно Фрэнсис отвечает, когда я звоню ей на домашний. Когда она не взяла трубку, я решила зайти и проверить, что случилось.

– И во сколько ты пришла?

– Я была здесь без десяти девять. Сразу увидела ее и позвонила в полицию. А они позвонили тебе.

Харпер быстро сделала несколько записей и помахала рукой одному из своих коллег.

– Мне нужно работать, мама. Энди отвезет тебя домой... По дороге не заглянешь в «Татуированного лося»? – спросила она патрульного офицера. – Отец там играет в карты, а я не хочу, чтобы мама была дома одна.

– Конечно, детектив. Сделаю это прямо сейчас.

– Спасибо. – Харпер крепко обняла мать. – Я чуть позже позвоню, чтобы проверить, как ты.

Кэти Лейтон вновь обернулась и посмотрела на дом Фрэнсис Пинкни.

– Не могу поверить, Харпер, что тебе нужно пойти туда и увидеть ее такой...

– Это моя работа, мама. Со мной все будет в порядке.

– Господи, я не знаю, как ты справляешься с этой работой.

Харпер поцеловала мать и направилась внутрь, к телу. По пути она изучила дверной замок с помощью фонарика, но не нашла ни свежих следов, ни царапин, ни свидетельств того, что в дом кто-то вломился.

Вдоль крыльца тянулся ряд окон. Попасть внутрь можно было самыми разными способами. Скоро сюда придут криминалисты. Они проведут более тщательный осмотр возможных мест, через которые можно попасть в дом.

В прихожей Берл уже опустился на колени рядом с телом Фрэнсис. Как и сказала мама Харпер, шея мертвой женщины была вывернута под неестественным углом.

Харпер пришлось набрать полную грудь воздуха, прежде чем подойти ближе, хотя это была не первая жертва, которую она знала лично. За прошедшие годы ей довелось расследовать гибель нескольких своих одноклассников и множества людей, которые частенько заходили в закусочную ее родителей. Некоторые смерти расстраивали сильнее, некоторые меньше.

Увидеть мертвую Фрэнсис Пинкни было душераздирающе.

Миниатюрная леди с милым нравом, она лежала мертвая в своем велюровом спортивном костюме, с широко открытыми глазами, крепко сжатыми кулаками и сломанной шеей. Выражение лица Фрэнсис было одновременно отчаянным и сердитым. Маленькая собачка – подарок сына – скулила рядом.

– Что ты думаешь? – спросил Харпер.

– Она скончалась меньше двух часов назад, – доложил Берл. – Это мог быть сердечный приступ или инсульт. Будь она жива, когда упала, причиной смерти стал бы удар о перила. Нетрудно заметить, что шея сломана. Перелом мог случиться как до, так и после смерти. – Он умолк и потрогал шею миссис Пинкни. – Перелом чистый. Быстрый и безболезненный.

– Маленькое благословение, – сказала Харпер.

– Аминь, – согласился Берл. – Я сделаю вскрытие утром. Взгляну на ее сердце и мозг на предмет наличия того или иного признака. Позвоню, как только получу ответы.

Харпер снова встала.

– Спасибо, Берл. Пойду поговорю с соседкой.

Коронер протянул руку к лицу Фрэнсис, чтобы при помощи большого и указательного пальцев закрыть ей глаза. Харпер вышла через парадную дверь, стараясь не расплакаться. Но не из-за Фрэнсис. Ее расстроила собственная мать. Кэти Лейтон всегда отказывалась читать страшные книги и жутко не любила смотреть телепрограммы на криминальные темы. А теперь перед ее мысленным взором будет стоять образ мертвой подруги...

Харпер проверила, какие комнаты были видны с крыльца. Но главным образом ей просто требовался свежий воздух. «Ты человек, – сказала она себе. – Быть человеком – нормально».

Когда Харпер вернулась к передней части дома, то застала на крыльце другого патрульного, Сэма Пирсона. И заплакала.

Прекрасно.

По идее ей полагалось поддержать и утешить коллегу, потому что это был его первый труп, но вместо этого она скованно прошла мимо, ничего не сказав.

Сэм и Харпер были рядом друг с другом еще с тех пор, как выросли из подгузников. Одноклассники, друзья, а потом и школьные возлюбленные.

В старших классах Сэм был самой лакомой добычей – игрок в футбол, бейсбол и баскетбол. Харпер же была звездой легкой атлетики, но не имела того звездного ореола, которым обладал Сэм. Несмотря на частые попытки той или иной участницы группы поддержки разлучить их, они оставались вместе до окончания средней школы.

– Мне нужно поговорить с Кимберли Уокер. Не составишь компанию?

Сэм приподнял бровь, так, как он делал в старших классах, когда дразнил ее за то, что она, мол, любит командовать. Харпер невольно улыбнулась.

– Давай, Пирсон. Вот увидишь, будет весело.

Крыльцо закрипело, и Сэм пошел за ней по переулку. Он проработал в их участке почти пять лет, в то время как она – уже шестнадцать. Большинство коллег-патрульных были на десять, а то и двенадцать лет младше его.

Формально Харпер являлась его начальником, хотя изо всех сил старалась этого не показывать. Ей казалось, что они сумели найти некую удобную неловкость в отношениях. Но как это отличалось от той раскованной искренности, когда они были старшекласниками! Ей стоило немалых усилий не возобновлять их прежнюю веселую болтовню.

Она обошла дом и, пройдя ярдов пятнадцать по переулку, остановилась перед типичным чарльстонским особнячком: белым, с зелеными ставнями. Большая металлическая табличка в форме диска на стене дома сообщала, что тот был построен до землетрясения 1886 года.

Поскольку большая часть исторического Чарльстона была, по сути, возведена на городской свалке, землетрясение привело к тому, что дома погрузились в зыбучую грязь, на которой они и были построены. Те, что пережили землетрясение, закрепили болтами, которые можно было со временем затягивать дюйм за дюймом, чтобы дома не развалились, а диски-таблички просто создавали приятную эстетику, прикрывая эти болты.

Прежде чем подняться по лестнице, Харпер проверила свои записи, дабы убедиться, что это действительно адрес Кимберли Уокер. Сэм подошел к другой лестнице и быстро поднялся по ступенькам. Поскольку мужчинам было неприлично смотреть на женщин, когда те поднимались по лестнице, так как существовал риск случайно увидеть лодыжку или, не дай бог, икры, многие из старых домов Чарльстона имели по две лестницы. Правда, этикет требовал, чтобы мужчина ждал, когда женщина первой поднимется наверх.

Хотя Сэм больше не был похож на ее школьную любовь, в нем сохранилась какая-то часть из прошлого. Сэм всегда был там, наверху. И ждал. Даже если никогда не встречался с ней взглядом. Странные вещи делала обида. А все из-за того, что Харпер поступила в университет Северной Каролины, а он остался дома.

Харпер позвонила в дверной звонок, Сэм ждал за ее спиной, сцепив перед собой руки. Уокер была дома. По крайней мере, так она сказала матери Харпер.

Детектив вновь потянулась к звонку, но Сэм перехватил ее руку. Их взгляды встретились, и Сэм разжал пальцы.

– Она уже здесь, – сказал он, кивнув на дверь, которая как раз приоткрылась. Харпер показала свой значок.

– Миссис Уокер, я...

– Дэвис. Миссис Дэвис. И я знаю, кто вы, – сказала хозяйка дома, нахмурившись; вокруг ее губ появились морщинки. – Я почти четыре года проработала у ваших родителей.

– Насколько я понимаю, сегодня вечером вы слышали шум, доносившийся из дома миссис Пинкни. Если можно, мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

Кимберли Уокер-Дэвис сняла цепочку и пригласила их войти. Она была в ночной рубашке и халате цвета, который Харпер назвала бы лососевым. Внутри дома халат сливался с абрикосовыми стенами гостиной. Персиковый ковер и люстра, свисавшая с потолка на высоте двадцати или тридцати футов, с украшениями в виде тяжелых хрустальных листьев и плодов. Это явно была ее цветовая гамма.

– Прошу вас, пойдите за мной в гостиную. – Миссис Дэвис развернулась в прихожей, как красавица на балу. Она явно использовала смерть Фрэнсис как возможность покрасоваться.

Харпер отогнала несколько не слишком приятных мыслей. Выросшая в Чарльстоне, она не отличалась терпимостью к богатым южанкам. Они раздражали ее, как никто другой.

Дэвис расположилась в мягком кресле абрикосового оттенка, а Харпер села на кремовую поверхность дивана, благодарная за то, что по крайней мере та не залита персиковым сиянием. Положив маленький цифровой диктофон на стол со стеклянной столешницей, она нажала кнопку «запись».

– Миссис Дэвис, я собираюсь записать этот разговор для целей нашего расследования. Вы не возражаете?

– Отнюдь, – ответила хозяйка дома, подавшись вперед из кресла; вернее, крикнула в сторону стола, как будто записывающее устройство было таким же тугоухим, как и ее муж.

– Не могли бы вы рассказать мне, что именно произошло сегодня вечером? Начните с того, как вы впервые услышали собачий вой, и продолжайте до того момента, когда вы позвонили миссис Лейтон.

Дэвис скривила губы.

– Миссис Лейтон?

– Моей матери, – сказала Харпер.

Кимберли Дэвис посмотрела мимо нее и махнула рукой.

– Прошу вас, войдите, детектив. Не стойте там один.

– Все хорошо. Спасибо, мэм, – ответил Сэм из прихожей.

– О нет, – сказала Дэвис, вставая с кресла. – Я настаиваю.

Сэм сел на дальнем краю дивана. Дэвис пару мгновений наблюдала за ним, словно желая убедиться, что ему действительно удобно. Это напомнило Харпер, что – по крайней мере, на Юге – мужчина в форме вызывает больше уважения, чем женщина. Ей хотелось обвинить в этом Дэвис, но такое случалось слишком часто.

– Миссис Дэвис, когда вы впервые услышали вой собаки? – спросила она.

– Я слышу эту псину каждый божий день. Эта тварь лает абсолютно на все...

– Я имею в виду, когда вы впервые услышали собаку сегодня вечером? – Харпер не терпелось отыскать точку отсчета и продолжить допрос.

– Мой муж, Тедди, шел наверх, а я наводила порядок в кухне. Было около семи. Обычно мы заканчиваем наши дела в районе восьми, чтобы почитать или посмотреть телевизор, если только не принимаем гостей, что бывает несколько раз в неделю.

Харпер отметила в блокноте названное время.

– А во сколько вы пошли к Фрэнсис Пинкни?

– Не сразу. Видите ли, лай то прекращался, то начинался снова.

– Это нормально?

Дэвис расправила ночную рубашку, разглаживая лососевый шелк по софе.

– И да, и нет. В течение дня так бывает по нескольку раз, но, если подумать, вечером собака лает реже. Обычно Фрэнсис удается заставить ее успокоиться.

– Не могли бы вы уточнить, когда именно пошли к мисс Пинкни?

Дэвис впиалась взглядом в ночную рубашку, водя по шелковой ткани длинными ногтями с французским маникюром. Харпер постучала ногой по полу в надежде привлечь ее внимание. Хотелось бы поскорее закончить с этим делом.

– Около восьми.

– Около восьми, – повторила Харпер.

Дэвис кивнула.

– И вы позвонили в звонок?

– Несколько раз.

– Собака лаяла и тогда?

– Как ни странно, нет. – Хозяйка дома сделала большие глаза. – Так странно... Когда я позвонила, собака перестала лаять. – Она посмотрела на Харпер и Сэма. – Как вы думаете, что это значило?

– Я не уверена, – ответила Харпер, записывая. Но услышанное заставило задуматься и ее тоже. Если собака обычно лаяла, что заставило ее внезапно замолчать? – А сколько раз вы звонили в звонок?

– Два, может быть, три. Но я подождала несколько минут, пока Фрэнсис подойдет к двери. У нее неплохой слух, учитывая ее возраст. Не то что у Тедди, – громко сказала она, жестом указав наверх.

– А когда она не подошла к двери, вы заглянули внутрь?

Дэвис прижала ладонь к груди, а ее губы образовали маленькую букву «О».

– Разумеется, в нормальных обстоятельствах я никогда не позволила бы себе заглянуть в чужой дом. Но собака так настойчиво лаяла, а Фрэнсис не подходила к двери, и я забеспокоилась, все ли с ней в порядке. Это был мой гражданский долг – проверить.

– И в этот момент собака перестала лаять? Она умолкла? – уточнила Харпер.

– Да. Определенно. – Дэвис переключила внимание на свободную ниточку на рукаве халата.

Некоторые свидетели нервничали и ерзали. Дэвис, напротив, казалась просто эгоистичной, как если бы в тот момент обрывок нити беспокоил ее больше всего на свете. Дэвис сказала ее матери, что она не заглядывала в дом, но Харпер знала: это неправда. Заглянуть внутрь было бы естественным поступком – и особенно для таких сплетниц, как Дэвис.

– Насколько я понимаю, вы заглянули внутрь, чтобы убедиться, что Фрэнсис не оступилась и не упала, – сказал Харпер, глядя на нее в упор.

– Разумеется, я волновалась.

– В какие окна вы заглянули?

– В переднее окно рядом с дверью, – смущенно сказала Дэвис. – Я также обошла крыльцо, чтобы заглянуть в столовую.

Харпер представила себе дом Пинкни.

– Столовая... смежная с гостиной, не так ли?

– Да. Думаю, оттуда была видна часть гостиной, но и там я не увидела ни Фрэнсис, ни эту противную собачонку.

Это означало, что, когда Кимберли Дэвис заглянула внутрь, Фрэнсис Пинкни не лежала внизу лестницы.

– Вы уверены насчет времени? Можете вспомнить, что показывали по телевизору?

– Это точно было восемь часов, потому что Тедди любит смотреть старые черно-белые фильмы, а они начинаются в восемь. Когда я вернулась домой, фильм только начинался. «Сокровища Сьерра-Мадре».

Харпер кивнула, но ничего не сказала.

– Ну, тот, что с Хамфри Богартом, – пояснила Дэвис.

Харпер это ничего не говорило.

– Вы не заметили ничего необычного? Что-то, что могло бы указывать на то, что в доме был кто-то еще? Пальто или сумка? Что-нибудь другое?

Дэвис уставилась в потолок, Харпер терпеливо ждала. Наконец хозяйка дома покачала головой.

– Нет. Все было как всегда. Фрэнсис очень опрятна.

Харпер не сомневалась: Дэвис хорошенько посмотрела в это окно, и вообще она была из тех, кто замечает, если что-то не так. Если кто-то и посетил дом Фрэнсис Пинкни, этот человек был осторожен, что предполагало планирование. Если смерть наступила от естественных причин, то сначала что-то взбудоражило собаку, но когда к дому подошла Дэвис, собака успокоилась. Что-то в этой теории не устраивало Харпер.

– А после этого? Вы вернулись домой?

Дэвис вздернула подбородок.

– Я вернулась, чтобы быть с Тедди.

– А когда собака снова начала лаять?

– В половине девятого или сразу после того.

Если кто-то был в доме и сумел уговорить собаку, то лай возобновился бы, как только этот таинственный некто ушел. К тому времени Фрэнсис Пинкни, вероятно, уже лежала у нижней ступеньки лестницы.

– Но вы не вернулись туда?

Дэвис помахала рукой.

– К тому времени я уже была в ночной сорочке. Я определенно не собиралась выходить в ней из дома.

– И тогда вы позвонили моей матери?

– Да.

Харпер положила на стол визитную карточку и взяла диктофон.

– Пожалуйста, позвоните мне, если вспомните еще что-нибудь. Мы будем признательны за все, что вы сможете добавить.

Кимберли Уокер-Дэвис подалась вперед.

– Кто-то сказал, что Фрэнсис упала с лестницы, и я подумала, не споткнулась ли она об эту ужасную собаку.

Харпер не раз видела Фрэнсис Пинкни со своим любимцем. Та его обожала. Было приятно видеть, какую радость доставляет ей общество четвероногого друга. Если кто и был ужасен, так это Кимберли Уокер-Дэвис.

– Мы ценим вашу помощь, – сказала Харпер, вставая с дивана.

Дэвис тоже встала, почему-то напомнив детективу розово-абрикосовое облако, и проводила их до входной двери, пообещав позвонить, если вспомнит какую-нибудь мелочь, которая может быть полезной.

Харпер не сомневалась: эта женщина им еще позвонит. Она поблагодарила Дэвис и спустилась по лестнице.

– Одного не понимаю, – сказал Сэм. – Если она заглянула в дом, то почему не увидела тела?

– Значит, тела там еще не было, – ответила Харпер.

– То есть, неужели... у нее наверху случился сердечный приступ, а потом она упала с лестницы? – спросил Сэм. Это была самая длинная его фраза за весь вечер. Время и последовательность событий вызвали вопросы и у него. *Отлично.* Чем глубже он втянется в это расследование, тем больше шансов у них выяснить, что же случилось с Фрэнсис Пинкни.

– Да, – сказала Харпер, чувствуя, как в ее животе шевельнулся страх.

8

Сан-Франциско, Калифорния

Забравшись под одеяло, Аннабель Шварцман прижалась лицом к желтым шелковым простыням. Ветерок колыхал тонкие тюлевые занавески. Кстати, не желтые. «Цвета кукурузной муки», – сказал декоратор и для контраста сопоставил их с васильковым цветом. Кукурузная мука и василек. Смех, да и только, но она сделала вид, что ей нравится. Считалось, что женщинам очень важно, как называется цвет их штор и подушек. Успешные женщины знали разницу между кукурузной мукой, нарциссом и сеном, а также акцентные цвета тканей изголовья и декоративных подушек.

Спенсер обожал желтый цвет, но, может, выбор был ее собственным? Даже если решение было за ней, оно все равно оставалось *его* решением. Такова была его магия. Его обаяние.

Неким загадочным образом эти вещи стали для нее важнее учебы, хотя все три года в Дьюке она была лучшей на курсе. «Умная, совсем как ее отец, – говорили люди. – И красивая, как мать». Это было правдой. У нее был нос с горбинкой, как у отца, ярко-голубые глаза матери, стройное телосложение и длинные отцовские ноги. Она была *красавицей*.

В юности это было для нее важно. Лишь позже Шварцман осознала, что ее мать беспокоилась о красоте. Даже слишком. И тогда было решено: если она, Анна, достаточно красива для Спенсера Генри Макдональда, значит, она прекрасна.

Все могло быть иначе, если б отец не умер. Но после его смерти Спенсер Макдональд вселил в мать уверенность в том, что о ее дочери позаботятся. Он вернул на лицо ее матери улыбку, хотя после смерти мужа та, казалось, забыла, что такое улыбка. Какой же выбор был у самой Анны, кроме как поддаться его обаянию?

И она бросила колледж и стала идеальной женой. Даже вступила в «Ротари-клуб», чтобы принимать участие в разного рода благотворительных акциях, но старалась не слишком ими увлекаться: на первом месте стояли домашние обязанности.

В тот вечер проходил сбор средств для детской библиотеки, за которым следовало собрание женского вспомогательного совета.

В начале их брака Анна представляла себе, как войдет в совет, как будет помогать менее удачливым в этой жизни. Сама она, конечно, не построит карьеру, но наверняка сможет возглавить одну из крупных местных благотворительных организаций. Однако Спенсер не одобрял руководящих постов. Ничего такого, что потребовало бы от нее слишком многого – слишком много времени, слишком много внимания, слишком много ее самой. В конце концов, ей следовало в первую очередь думать о семье, муже и его потребностях.

В тот вечер она нарушила хрупкий баланс. Ей следовало пойти на одно из мероприятий. Не на оба. Тогда она заметила бы, что простыни не поменяли. Не чувствовала бы себя настолько измотанной и наверняка пошла бы в гардеробную, чтобы снять желтую блузку, которая теперь едва сходилась на ее животе, и яркую юбку, которую мать купила ей в каком-то непомерно дорогом магазине для беременных.

У нее было бы время умыться и наложить крем для рук, прежде чем кровь в отекавших ногах превратила каждый ее шаг в неимоверное усилие, словно к ним привязали мешки с песком.

Она смутно помнила, что простыни были прохладными и приятными на ощупь, что они охладили ей ноги и спину.

Ребенок был активным, как часто бывало, когда она ложилась в постель. Как будто ей не хватало движения матери. *Она*. Девочка, хотя тогда они этого не знали.

Спенсер ничего не желал знать. Анна же была совершенно неспособна даже на этот небольшой акт неповиновения и сказала себе, что боится проговориться. Что было неправдой, так как к тому времени она стала невероятно искусна по части хранения секретов.

Спенсер изобрел множество способов измываться над ней. Анна уже давно заметила, как он запоминает каждый незначительный промах, чтобы в дальнейшем использовать его как оружие против нее. Его мастерство впечатляло. Он мог даже не обращать ни на что внимания, однако неким образом запоминал вещи, которыми она делилась с ним. Самые простые, банальные мелочи в его руках становились орудием пыток. Ее неприязнь к брюссельской капусте означала, что, если Спенсеру казалось, что жена его ослушалась, по его указанию ей подадут брюссельскую капусту на обед или ужин. Как-то раз он выбросил свежую клубнику, которой поделился сосед, потому что знал, как она обожает эти яркие, сочные ягоды.

– Должно быть, их выбросила Труды, – заявил Спенсер, имея в виду экономку. – Наверное, они были гнилые.

Анна не осмелилась спросить Труды. По тому, как Спенсер сообщил это известие, она знала: это сделано по его распоряжению. Их не отдали кому-то другому, хотя Труды с благодарностью приняла бы ягоды в дар для своих собственных сыновей. Нет, Спенсер наверняка велел их выбросить, и любое другое действие стало бы основанием для сурового наказания.

Шварцман вспомнила, какое впечатление произвели на нее работники Спенсера. У него были те же кухарка и экономка, те же садовник и водитель, что и несколько лет назад, когда он в двадцать один год купил этот дом. Спенсер не увольнял людей за неподчинение. Он наказывал их тем, что лишал возможности уйти.

В этом смысле его жена ничем не отличалась от них.

В *ту* ночь она крепко спала. Младенец тоже уснул, устроившись так, что ни крошечные ступни, ни локотки не касались ее чувствительных органов. Она спала, положив руку на живот, как делала, начиная с третьего месяца беременности. Кстати, ее беременность, похоже, умиротворила даже Спенсера: он реже отсутствовал; они чаще ели дома и вместе обсуждали оформление детской комнаты. Казалось, он привыкал к будущему отцовству.

Да, наверное, Спенсер мог бы стать тем человеком, которого все видели вне дома. Любящим, харизматичным. Он уже добился успеха в жизни. Его интеллект, увлеченность делом, способность к стратегическому планированию – все это говорило само за себя. Работая в банке, он уже достиг многого.

В ту ночь Спенсер отсутствовал, отмечая не то слияние, не то начало партнерства, – Анна не знала, что именно. Но ей было интересно это знать. Ей нравилось иметь дело с большими цифрами. Однако, как он часто напоминал ей, она даже не закончила колледж и поэтому ей больше подходило рисование, нежели расчет прибылей и расходов.

В какой-то момент хлопнула входная дверь и разбудила ее. Стекла в комнатах вздрогнули, а вместе с ними и она сама.

Большую часть событий той ночи Анна помнила ясно и четко, но после дребезжания стекол воспоминания походили скорее на разрозненные снимки, чем на фильм. Сильнее всего ей запомнилось, как она прижала к груди Спенсера ладони, как боролась с ним. Его лицо побархотало, с губ летела слюна. Он развернул ее и швырнул через комнату.

Анна налетела животом на его туалетный столик, разбив при этом пузырек одеколона «Гуччи», запах которого отныне всегда будет напоминать ей о смерти. Она помнила ощущение крови и околоплодных вод, как все это, словно густой теплый суп, стекало по ее ногам на бледно-желтый ковер. Она видела, как на нем уже собралась лужа.

Анна пыталась дать картинам *той* ночи исчезнуть. Она уже переживала их слишком много раз.

Боль от удара, когда она налетела на туалетный столик, от того, как ей в живот с силой врезается мраморная столешница. Ощущение, что все внутренности бьются о позвоночник.

Анна знала с абсолютной уверенностью, что именно этот, третий удар в живот убил ее будущую дочь. А вид крови остался с ней навсегда...

Она заморгала и сжала в кулаке темно-серые хлопковые простыни.

Ты в безопасности.

– Ты в безопасности, – сказала она вслух. Голос был хриплым, в горле пересохло, как будто она кричала.

Сидя спиной к деревянному изголовью, Шварцман сделала несколько глубоких вдохов и оттолкнулась от него, глядя на четыре угла своей спальни. Слева – угол, где встречаются две серые стены. На одной из них – черно-белый силуэт женщины, который она купила на базаре ремесленных изделий в Сиэтле. Второй угол – с темной дверью в гардеробную. Красивая дверь из шести панелей, которую она выкрасила в черный цвет, чья текстура напоминала завитки серого песка; а узлы древесины подобны лужицам смолы. Третий угол – с окнами, задернутыми черными жалюзи; справа от нее пепельного цвета прикроватная тумбочка с металлическим светильником со светлым абажуром.

«Его здесь нет, – сказала она себе. – Его здесь нет. Ты в безопасности».

Проверенный метод борьбы с воспоминаниями. В комнате было тихо. В *ее* комнате. Спенсер Макдональд сюда не войдет.

Она снова устроилась на кровати, притянула к себе подушку и крепко прижала ее к пустоте своего живота. Но сон не шел. Вместо этого Шварцман лежала в постели, глядя в потолок, пока солнце не поднялось над горизонтом и комнату не залил утренний свет.

* * *

Шварцман прибыла в морг сразу после восьми. Когда она, завязывая на талии халат, вошла туда, ей показалось, что в помещении как-то особенно холодно. Анна проверила термометр, но тот, как всегда, показывал положенные шестьдесят семь градусов¹⁰.

Пока она шла через комнату, ее пальцы машинально потянулись туда, где на плоской, твердой поверхности грудины, несколькими дюймами ниже яремной впадины, лежал кулон. Но они нащупали лишь кожу.

Некоторые люди говорят, что без обручального кольца чувствуют себя голыми. Шварцман их понимала. Она постаралась выбросить из головы картинку с места преступления. Они будут лишь отвлекать.

Ее работа – в этой комнате, на этом стальном столе. Все, что она сможет узнать об этой женщине из физических особенностей ее тела, поможет полиции найти убийцу. Для нее этого достаточно.

Анна нащупала инструменты на металлическом подносе. Скальпели, пилы для кости, камера для документирования травм, ножницы, которыми она прорезала ребра... Все на месте. Всегда. Шварцман вновь пробежала пальцами по инструментам – ей почему-то казалось, что чего-то не хватает.

Что бы она там ни упустила, это нечто не давало о себе знать. Стуча металлическими колесами по цементному полу, Шварцман подкатила каталку к телу. Связала волосы в пучок на затылке, проверила, не болтаются ли свободные пряди, и надела пару латексных перчаток.

Невозможно предугадать, сколько времени займет вскрытие. Она начнет с одежды. Хейли и Хэл забрали единственное украшение, а она захватила балетки от «Тори Берч», размер восемь с половиной... кстати, такой же, как у нее. Затем проверила два небольших квадратных кармашка на лифе желтого платья. Убедившись, что они пусты, осторожно сняла пла-

¹⁰ 67 градусов по Фаренгейту – 19,4 градуса по Цельсию.

ть и сложила его в мешок в качестве вещдока. Под платьем у Виктории Стайн были надеты простой белый кружевной бюстгальтер и такие же белые трусы.

Бюстгальтер на косточках, что удивительно, поскольку Спенсер не любил бюстгальтеры на косточках. Трусики традиционного покроя, не стринги. Спенсер также не любил стринги.

Шварцман сложила обе части по отдельности, проверила правильность маркировки и положила стопку вещдоков на стойку у двери, чтобы потом отнести в лабораторию.

Теперь, когда Виктория Стайн лежала перед ней голая, Шварцман включила диктофон и назвала ее личные данные.

– Имя: Виктория Стайн. Возраст: тридцать три года. Рост: пять футов, семь дюймов...

Всего на дюйм ниже ее самой.

– Вес: сто тридцать пять фунтов. Раса: белая. Цвет волос: брюнетка.

Она изучила корни волос жертвы. Волосы недавно выкрашены, причем явно дорогой краской. Шварцман собрала несколько прядей в пакетик для улики.

Ухоженные волосы соответствовали дорогой квартире. Ногти жертвы были недавно отполированы и покрыты лаком телесного розового цвета. Спенсер одобрил бы.

Выбросив его из головы, Анна вновь переключила внимание на жертву.

Имелось во внешности Стайн нечто такое, что слегка озадачивало. Например, то, что на ее руках и лице было больше признаков повреждения кожи, чем Шварцман обычно видела у обеспеченных женщин ее возраста. Она отметила это несоответствие.

Прежде чем пытаться установить причину смерти, Шварцман осмотрела тело на предмет внешних повреждений, а также любых отметин на коже. У Стайн не было татуировок, часто помогавших при опознании личности, зато имелось несколько других отличительных отметин. На тыльной стороне левого предплечья виднелся небольшой невус, а на груди и плечах – несколько примечательных родинок. Анна задокументировала каждую по отдельности и при помощи маленькой линейки зафиксировала их размеры.

В правой подколенной ямке обнаружилась еще одна родинка, на этот раз гемангиома. Гемангиома – иногда ее называют малиной – возникает в результате скопления кровеносных сосудов еще в утробе матери и никогда полностью не рассасывается. Шварцман также задокументировала несколько небольших шрамов, в основном на правой руке жертвы. Кстати, правая кисть была немного больше, и этот факт, вкупе с наличием большего числа шрамов, предполагал, что Стайн, вероятно, была правша. Люди обычно режут и царапают преобладающую руку чаще, чем наоборот.

Еще один шрам обнаружился кнутри от правой тазовой кости. Рубец от аппендэктомии был бы сдвинут чуть более к центру. Неровный край предполагал травму, но шраму, похоже, не меньше десяти лет. Шварцман задокументировала его на видео, а затем провела финальный осмотр на предмет того, что еще могла пропустить.

– Глаза: серо-голубые. Никаких признаков петехий.

То есть жертву не задушили.

Анна уже делала это на месте происшествия, но на всякий случай еще раз проверила рот и нос при помощи маленького фонарика в пластиковом чехле, на предмет повреждений или инородных предметов.

– Носовые и трахеальные ходы чистые и не имеют препятствий.

Сняв камеру со стола, она ощупала череп, проверяя наличие ушибов, а потом сделала серию снимков лица и головы. Быстро пролистала изображения. Камера была сконструирована так, чтобы улавливать любые признаки кровоподтеков, но ни на черепе, ни на изображениях не было никаких следов травм или борьбы.

Завершив внешний осмотр, Шварцман изучила половые органы на предмет изнасилования, хотя никаких признаков недавнего полового акта не было, и уж тем более насильственного.

Она взяла на токсикологический анализ кровь, сделала соскоб с ногтей и осмотрела рот жертвы в поисках следов чего-либо такого, что могло застрять между зубами. Прошлой осенью, в Сиэтле, у нее получилось раскрыть дело, исследовав частицу ткани, застрявшей между нижними центральными и боковыми резцами жертвы. Так удалось опознать ДНК, принадлежащую насильнику, который был освобожден незадолго до этого условно-досрочно. Триумф, который Анна ощутила, когда ей тогда позвонили, с трудом поддавался описанию. Это было подобно наркотику.

Она была рождена для этой работы.

С помощью небольшого щупа с камерой на конце, Шварцман исследовала носовые ходы жертвы глубже, до носовых пазух. Оказавшись там, камера начала передавать изображение на экран рядом с прозекторским столом.

Нажав на кнопку, она сохранила изображение и поместила его в отдельный файл. В носовых пазухах Виктории Стайн имелись признаки кровотечения. Анна впилась глазами в экран, пристально изучая изображение.

Утопление.

Виктория Стайн пыталась дышать. Это создало давление в носовых пазухах, и они начали кровоточить.

Шварцман осторожно прощупала желудок жертвы. Мышца была немного увеличена, жидкое содержимое булькало под прикосновением ее руки. Еще один признак утопления. Она сняла перчатку и подняла к губам диктофон.

– Признаки кровотечения из носовых пазух позволяют предположить, что жертва утонула. – Анна помолчала пару секунд. – Внешнее обследование завершено.

Она отложила диктофон и заменила снятую перчатку на новую.

«Просто еще один случай», – сказала она себе.

То, что жертва похожа на нее, не имело значения: было много жертв с таким же цветом волос и глаз, как у нее, – брюнеток со светлыми глазами. Многие такие же высокие и худые, как и она, а некоторые даже с орлиным носом, как у нее, а также те, что, родились с ним, а потом хирургическим путем удалили горбинку.

Это были просто совпадения, игра случая.

Чем больше жертв она обрабатывала, тем больше была вероятность столкновения с теми, кто чем-то внешне походил на нее. Главное – относиться к Стайн, как и к любой другой жертве.

Шварцман вытащила из носовых пазух камеру и выбросила одноразовый защитный чехол. Проталкивая скальпель через кожу, жир и мышцы груди, проделала Y-образный разрез от края ключицы до грудины. Как только два диагональных разреза были готовы, провела скальпелем вниз по брюшной полости до тазовой кости и вскрыла грудную клетку Стайн, разрезав соединительную ткань и удалив плоть, чтобы обнажить брюшину.

Желудок был раздут и полон, но грудная полость жертвы выглядела нормально. Шварцман собиралась удалить желудок, чтобы собрать его содержимое, однако сначала хотела увидеть легкие и сердце.

В морге имелась пара металлических резаков для ребер, но ими было неудобно пользоваться. Ручки были слишком маленькими, и требовались огромные усилия, чтобы прорезать кость. Во время одной из своих первых поездок в Сан-Франциско Анна купила в садовом магазине пару секаторов с красными ручками. С их помощью она прорезала внешний край ребер, чтобы обнажить органы грудной клетки. Ее внимание было сосредоточено на легких – увеличенных и раздутых, как и желудок, что опять наводило на мысль об утоплении. С помощью большой иглы Шварцман взяла из легких несколько образцов жидкости, чтобы отправить их в лабораторию для исследования. И тут, вводя образцы жидкости во флакон, уловила слабый запах лаванды, исходящий от содержимого легких.

Борясь с рвотным рефлексом, Анна отпрянула от стола.

Спенсер любил, чтобы в доме пахло лавандой. Она была в каждом ящике, в каждом шкафу, в каждой ванной. Мирный, успокаивающий запах.

В начале их брака он ей тоже нравился. Она использовала лавандовый спрей, чтобы уснуть. Но затем запах сделался слишком навязчивым, создавая ощущение ловушки. Шварцман обнаружила, что, вместо того чтобы помочь уснуть, он вызывает у нее бессонницу.

Когда это случилось? Она не могла вспомнить, когда ей перестал нравиться этот запах.

Анна сняла перчатки и отступила к металлическому столу и стулу в другом конце комнаты. Она редко делала паузы на середине вскрытия, но сейчас просто не могла заставить себя продолжить. Вытащив из холодильника бутылку минеральной воды «Пеллегрино», открыла крышку и сделала три или четыре больших глотка.

Это всего лишь запах.

Мертвое тело всегда полно запахов.

Шварцман не помнила, чтобы в доме жертвы пахло лавандой. Записав это, она намылила руки грейпфрутовым лосьоном. Через пару минут вдохнула чистый цитрусовый аромат, надела чистые перчатки и вернулась к телу. Все основные полости уже были вскрыты и очищены от жидкостей; пришло время удалить внутренние органы. Она взвесила каждый и взяла образцы тканей.

Сердце было в норме и весило чуть более восьми фунтов, в пределах среднего показателя для здоровой женщины ее роста. Почки, железы, поджелудочная железа, селезенка – тоже в норме. Обследование матки показало, что Виктория Стайн никогда не рожала и не была беременна.

В самом конце Анна собрала в чистый контейнер содержимое желудка. Красное вино можно было легко опознать по уксусному запаху и розоватому оттенку. Была также зелень, скорее всего, от салата; маленькие красные кусочки, слишком твердые для помидоров – вероятно, красный перец, – и около дюжины мелких семян, похожих на лаванду.

Содержимое желудка оказалось менее разбавленным, чем она ожидала, – жертва выпила больше вина, чем воды. Будь Виктория Стайн в сознании, во время утопления она проглотила бы много воды во время борьбы за жизнь.

Итак, ее напоили. Возможно, сначала подмешали наркотики, а затем уже утопили.

Завершив осмотр, Шварцман ополоснула тело водой, готовя его к отправке в похоронное бюро, и внимательно посмотрела на то, что осталось. Тихое задумчивое лицо над Y-образным разрезом, творением рук самой Анны. Настенные часы показывали почти шесть вечера. Усталость от недосыпа острыми когтями впилась ей в шею и плечи. Она позвонит Хэлу и сообщит результаты по дороге домой.

В кармане зазвонил мобильник. Судмедэксперт сняла перчатки и вытащила телефон.

– Шварцман.

– Это Аннабель Шварцман? – спросил веселый голос. Анна мгновенно пожалела, что ответила.

– Это я.

– Это Кэсси, из офиса доктора Хан. Радиология прислала результаты вашей последней маммограммы.

Слово *радиология* привлекло ее внимание.

– Да?

– Они хотели бы взглянуть еще раз. Вы не могли бы прийти завтра утром? У нас есть свободное время в восемь сорок пять.

Они хотят, чтобы она приехала к ним снова. Завтра.

– И что там не так?

– Простите?

– Что обнаружила радиология, что они должны взглянуть еще раз?

– А! – воскликнула Кэсси, с явно наигранной бодростью. – Просто на снимках видна некоторая асимметрия.

– Асимметрия, – повторила Шварцман. – Это означает лишь то, что ткань отличается от предыдущего раза.

Ее опыт онкологических заболеваний ограничивался медицинским факультетом и ординатурой. Слишком давно.

– И часто это бывает?

– Бывает, – сказала медсестра. Анна мгновенно почувствовала на другом конце провода наигранный оптимизм.

– И тогда маммографию делают еще раз?

– Да. И наверное, УЗИ тоже... Значит, восемь сорок пять вам подойдет, мисс Шварцман?

– Да. Я приеду.

– Прекрасно. И помните – не пользуйтесь дезодорантом, так как он может мешать сканированию.

– Хорошо.

Анна положила трубку, и ее взгляд вернулся к Виктории Стайн, лежащей на прозекторском столе.

Лаванда. Зачем топить ее в лавандовой воде?

Но эту мысль сразу вытеснила другая. Врач хотел сделать еще одну маммографию. «Ничего страшного, – сказала она себе. – Просто асимметрия».

На ночь она выбросит это из головы. Примет горячую ванну и крепко уснет. И проспит двенадцать или четырнадцать часов. Или все двадцать. А может, и целый день.

Даже не считая того, что на утро был запланирован визит к врачу, Анна не могла спать позже семи часов, сколь усталой она ни была. Ее тело всегда будило ее.

Проснуться первой – эта тактика помогала ей сохранить мир со Спенсером. Несмотря на то что бывший игнорировал ее желание работать, он всегда страшно злился, если вставал раньше нее. Шварцман спала с будильником под подушкой, чтобы его звон не разбудил Спенсера. Будильник всегда был поставлен на семь часов, чтобы она успела встать, одеться и приготовить кофе, прежде чем он сам встанет в семь тридцать. Даже по выходным, когда Спенсер часто спал до девяти, Анна вставала рано, опасаясь, что единственный день, когда она позволит себе понежиться в постели, окажется тем единственным днем, когда он проснется рано.

Мысль о том, что она может проваляться в постели двенадцать часов, раньше казалась настоящей свободой.

Теперь свободы не было ни в чем.

9

Сан-Франциско, Калифорния

В четверг утром Хэл вернулся в квартиру Виктории Стайн с двумя стаканчиками черного кофе и коробкой пончиков – часом ранее ему позвонил Роджер и сообщил, что возвращается на место преступления вместе с парой своих техников, чтобы еще раз все осмотреть.

Хейли занималась какой-то бандитской перестрелкой, поэтому они с Хэлом пообещали друг другу встретиться во второй половине дня в участке.

Вчера ему не удалось связаться с Терри Стайн. Он лишь получил от нее эсэмеску, в которой говорилось, что она обзванивает родственников и занимается организацией похорон. Терри написала, что сегодня приедет к нему в участок, и он очень надеялся, что ее визит поможет заполнить имеющиеся у них пробелы.

На самом деле они знали об убитой совсем немного: в квартире не было никаких подсказок о том, где она работала и с кем проводила время. Но больше всего Хэла мучил вопрос: где они росли? Если город, откуда была родом их жертва, располагался по соседству с тем городом, где жила Шварцман, знали ли сестры Стайн Спенсера Макдональда?

Горячий кофе обжигал пальцы даже через картон.

Хэл не спал большую часть ночи – фактически две ночи, – думая об этом убийстве. Стайн нашли во вторник вечером, а он до сих пор не смог допросить ее сестру.

Но в этом деле ему не давала покоя не только связь с Анной. В кино убийства зачастую представлялись как что-то случайное, но в жизни это было совсем не так. По крайней мере, в подавляющем большинстве случаев.

Да, порою люди попадали под перекрестный огонь бандитских разборок, оказавшись не в том месте и не в то время. Но убийства, подобные убийству Виктории Стайн, всегда носили личный характер. Если Шварцман права, эта смерть – предостережение ей, потому что кулон, букет и то, с каким старанием убийца разложил жертву, словно некий выставочный экспонат, свидетельствовали о тщательно продуманном убийстве.

Но что это значит? Что Спенсер сделает с ней то же самое? При каком условии? Если она не вернется? Или наоборот? Или же они слишком рьяно ищут связь со Шварцман?

В любом случае это убийство не производило впечатления случайного: за годы работы в отделе по расследованию убийств Хэл имел дело лишь с несколькими действительно случайными убийствами. Одно из них до сих пор оставалось нераскрытым, несмотря на то что за пять месяцев интенсивного расследования они с Хейли в буквальном смысле заглянули под каждый камень.

И даже сейчас, спустя семь лет, он иногда копался в «Фейсбуке» на страницах семьи и друзей жертвы, надеясь заметить что-то такое, чего раньше не замечал.

У Хейли и Хэла были десятки «висяков», но этот запомнился именно потому, что было невозможно понять, почему кто-то застрелил жертву.

Это совсем другое дело, чем если вы живете рискованной жизнью или связаны с преступным миром. В этом случае вы вполне можете плохо кончить. Хэлу нравилось верить в карму, хотя он знал множество примеров, когда карма не оправдывала себя. Но у того бедолаги не было никаких факторов риска. Он был обычным человеком. Хэл тоже чувствовал себя обычным парнем, хотя и не был им: то, что он полицейский, да еще и сотрудник отдела по расследованию убийств, ставило его в категорию повышенного риска.

Но, не считая того, что он полицейский, Хэл был обычным парнем. Он любил спорт, любил пиво. Ему нравилось общество его девушки, которая также была копом, и ему не нравилось, что обычных людей убивают. Хуже того, ему совершенно не нравилось, когда их убивали, а убийца оставался безнаказанным.

Виктория Стайн не попадала ни в одну из очевидных категорий риска.

К тому же накануне вечером он разговаривал со Шварцман. Та сказала, что у жертвы не было признаков употребления наркотиков или следов насильственных отношений в виде старых синяков или шрамов. Единственный необычный шрам, обнаруженный при вскрытии, был в районе тазовой кости. Ему было больше десяти лет и он не соответствовал шаблону насилия. Хэл подумал об Анне. Были ли на ее теле признаки жестокого обращения со стороны мужа? Хотя, возможно, Спенсер контролировал ее иными способами...

Но Викторю Стайн убил не Спенсер – вчера Хэл получил подтверждение, что тот не покидал Южную Каролину уже несколько месяцев. Что бы ни случилось с убитой, на первый взгляд насильственная смерть никак не соответствовала образу ее жизни.

На первый взгляд... Возможно, это впечатление развеется, когда они будут больше знать.

Хэл показал удостоверение патрульному у стойки консьержа и поднялся на нужный этаж. Роджер отыскался на кухне. Скрестив на груди руки, он рассматривал шкафчики. Хэл поставил кофе на защитную бумагу, закрывавшую столешницу.

– Спасибо. – Роджер взял один из стаканчиков и снял крышку. Отсалютовал Хэлу, подул на обжигающую жидкость и лишь затем сделал небольшой глоток. – Горячий.

– Можешь не рассказывать. Прежде чем налить кофе в стакан, они доводят его до кипения.

Роджер приподнял бровь.

– Ладно, умник...

После того как погиб муж Хейли, Роджер видел Хэла в далеко не лучшем состоянии – злым, задерганным, нервным. Но тем не менее всегда был рядом, не позволяя эмоциям или требованиям начальства влиять на то, как он делал свою работу. Он был объективным, осторожным, добрым. Всегда. Однажды за пивом Хэл обязательно расскажет Роджеру, как он его ценит. А пока что был просто благодарен за возможность перебраться парой шуток – зачастую это являлось тем единственным легкомыслием, которое можно было себе позволить.

– На что ты здесь пялишься? – спросил Хэл.

– Пытаюсь представить, где могут быть отпечатки, которых я не нашел.

– Удалось найти ту бутылку?

– Да. В мусорном контейнере. Ее вынесли из дома в бумажном пакете, чтобы не порезаться.

– Отпечатки?

– Только самой жертвы.

Хэл не удивился и не позволил себе как-то отреагировать на это. Они стояли пока в самом начале. Было еще много возможностей.

Шварцман сказала, что Спенсер никогда не ошибается. Хэл в это не верил, но даже если это и так, Спенсера здесь не было. Он не покидал Южную Каролину. Убийца совершил ошибку. Обязательно есть нечто, о чем он не подумал, или какое-то место, которого он случайно коснулся. Им просто нужно найти это.

– А на другом бокале? Ну, том, который стоял в шкафу.

– Вытерт начисто.

Это означало, что убийца пил вместе с ней вино.

– Как насчет следов ДНК? – уточнил Хэл.

– Никаких.

– И у нас есть отпечатки пальцев жертвы.

– Ее и несколько других, принадлежащих соседке, но они были найдены только на двух комнатных растениях.

– Она сказала, что заботится о растениях Стайн, когда та уезжает.

– Я так и думал, – сказал Роджер. – У нас есть еще один набор на дверных ручках у входа и в спальне, а также на стене спальни у выключателя. Мы предполагаем, что они принадлежат сестре, но, чтобы быть уверенными, нам понадобится их сравнить.

– Что-нибудь на букете цветов? – с надеждой поинтересовался Хэл.

– Слишком жесткая поверхность для отпечатков, но мы проверим. Что касается самих цветов, то отследить, откуда они, будет сложно: никакой упаковки, ничего экзотического. Такие продаются в любом магазине. Но, – сказал Роджер, подходя к своему компьютеру, – я сравнил этот букет с тем, который получила Шварцман. В обоих были каллы и герберы. Но разных видов, так что, похоже, на букеты из разных магазинов.

– Из разных магазинов, – повторил Хэл.

– Лаборатория составляет список производителей, и мы попробуем отследить, где они были куплены. Заранее предупреждаю, это будет длинный список.

Хэл был раздосадован: им явно не светит узнать, где куплены цветы, которые прислал Спенсер.

– То есть у нас пока ничего нет?

– Именно поэтому я изучаю каждую поверхность в доме. Где-то здесь наверняка есть отпечатки.

– Я думал, мы определили, что преступник действовал в перчатках, – заметил Хэл.

– Да, но я сомневаюсь, что он был в них, заходя в квартиру. Она бы это заметила.

Хэл кивнул, обдумывая возможные шаги преступника. Вот он вошел в дверь без перчаток, когда она открыла ему...

– Дверной звонок?

– Чисто, – подтвердил Роджер.

Ладно, не дверь.

Еще было вино. Лаборатория уже забрала стаканы и бутылку.

Потом убийца неким образом отключил ее и принес в ванну...

– Ты уже в курсе причины смерти?

– Мне позвонила Шварцман. Утопление.

– И что насчет этого? Неудобно топить жертву в перчатках. Ты изучил место вокруг ванны?

– Все чисто.

– Бельевой шкаф?

– Только ее вещи.

Взяв из коробки Роджера пару перчаток, Хэл надел их. Перчатки больно врезались в запястья, но он не стал заострять на этом внимание.

Над духовкой и посудомоечной машиной створки шкафчика были открыты, являя взору четыре тарелки цвета морской волны, четыре одинаковые тарелки для салатов, кружки и миски. В следующем шкафчике – четыре низких стакана, четыре высоких и два винных бокала. С тем, что стоял на столе, и тем, который был начисто вытерт, выходило четыре. Хэл поднял одну из тарелок и внимательно ее рассмотрел. Никаких царапин. Никаких сколов. Никаких следов воды. Он перевернул тарелку.

– Выглядит новой, правда?

Хэл вспомнил разномастные стаканы в своем собственном доме. С полдюжины тарелок; все, кроме одной, со сколами. Мелкие трещинки от микроволновки.

– Буквально все. Новое и лишь самое необходимое. Кто живет, имея лишь четыре тарелки?

– Кто-то, кто не планирует оставаться надолго.

– Верно. Сегодня поговорю с ее сестрой. Спрошу у нее.

Он открыл ящик для столового серебра и обнаружил, что в нем так же мало вещей, как и в шкафчиках. Затем проверил остальные ящики. Нашел штопор и показал его Роджеру.

– Хорошая мысль, – отозвался тот, извлекая из своего ящика пакетик для сбора вещей.

Помимо штопора, у жертвы имелись одна кулинарная лопатка, сервировочный набор для салата, половник и большая сервировочная ложка. В кухонном шкафу стояло несколько банок с супом, сухая смесь, батончики мюсли, крекеры, небольшая коробка хлопьев и еще одна бутылка вина. В холодильнике были овощи, пара коробок из-под еды навынос, йогурты, диетическая кола и вода.

Казалось, будто кто-то прошел по продуктовому магазину и купил первые двадцать вещей, которые пришли в голову. Но дело было не только в этом.

Квартира казалась безликой, как номер в отеле для длительного проживания, а не местом, где кто-то жил.

Она провела здесь несколько месяцев, а не пару недель. Где следы ее пребывания, где царапины? Где пятна? Тут явно что-то не так.

– Хм...

– Может, она работала круглые сутки? Ела на работе...

Из глубины квартиры вышла Наоми Мьюир из команды техников-криминалистов.

– Нашли что-нибудь? – спросил Роджер.

– Ничего. Никаких личных документов. Никаких фото, кроме тех, что в рамках. Ящики стола в буквальном смысле пусты.

– Может быть, кто-то забрал вещи?

Хэла не отпускало странное чувство, что все это не то, чем кажется на первый взгляд.

Виктория Стайн не жила здесь, в том смысле, в каком большинство людей живут в своих домах. Чем больше он думал об этом, тем большей уверенностью проникался. Не хватало даже грязи. Возможно, она держала эту квартиру как своего рода фасад?

Ему хотелось позвонить в квартиру Кэрол Флетчер и спросить, как часто она встречала свою соседку на самом деле.

– Нет, – сказала Наоми. – Пыль осела на поверхности равномерно. Никаких пустот, дающих основание предположить, что что-то было удалено.

– Возможно, это была не постоянная работа, – размышлял вслух Роджер. – Или же она не хотела перевозить сюда все, пока не убедится, что работа ей по душе?

– Может, и так, – согласилась Наоми. – Но если б я через всю страну переехала на новое место, то взяла бы свой планшет и компьютер.

Если Стайн жила здесь, Хэл ожидал найти больше ее личных вещей. В том числе и компьютер.

– Вы не нашли компьютер?

– И не только его, – продолжила Наоми. – Ни коробки, ни футляра, ни лишних шнуров, ни модема, ни вайфая.

– А как насчет ее телефона?

– Его я тоже не отыскала, – сказала техник и подняла полиэтиленовый пакет. – Но зато нашла бумажник. Карточка социального обеспечения, водительские права из Южной Каролины и одна кредитная карта.

Хэл подумал про собственный бумажник. У него были три разные карты. Плюс дебетовая карта его банка. К тому же никто не носит в бумажниках карточки социального страхования.

– Одна кредитная карта, – повторил он.

– Банк Америки.

– Даже у меня больше одной кредитной карты.

– Верно. Я прочесала все, но больше ничего нет. Никаких секретных тайников, ни стенового сейфа.

– Не возражаешь, если я возьму это? – спросил Хэл, указывая на пакет с бумажником. – Хочу прогнать через систему. Вдруг выплывет что-то еще...

Наоми взглянула на Роджера, и тот кивнул.

– Спасибо. Я верну их тебе для снятия отпечатков пальцев. – Хэл открыл блокнот и сделал пометку.

– Есть еще кое-что, – сказала Наоми.

– Что именно? – уточнил Хэл.

– Вся мебель сочетается.

Он посмотрел на обеденный стол из древесины цвета патоки с изогнутыми ножками и закругленными краями. Прямо как у журнального столика. И у торцевого...

– Хм. – Инспектор положил блокнот и шагнул к обеденному столу. Там он встал на колени и залез под него. Изучил нижнюю сторону столешницы в поисках наклейки, но не нашел. Выполз обратно и вернулся в гостиную. Перевернул журнальный столик и посмотрел, что под ним. Тоже ничего.

– Может, она купила все это как комплект? – предположил Роджер. – Ты ищешь производителя?

– Нет.

Подпись в правом нижнем углу картины в столовой начиналась буквой С, за которой следовала серия букв, настолько сплюснутых в линию, что он не смог их разобрать. Затем шла размашистая W, а за ней вновь неразборчивые каракули. Хэл указал на подпись.

– Кто нарисовал эту картину?

– Боюсь, мои знания в области истории искусства слегка заржавели, – признался Роджер. – Но лучше всего я знаю эпоху Возрождения.

Хэл помахал ему.

– Давай, прочти мне подпись.

Роджер усмехнулся, подошел к картине и с прищуром посмотрел на ее угол.

– Заглавная С, затем неразборчиво, затем заглавная W и снова неразборчивые буквы?

– Да, – подтвердил Роджер. – Именно так.

– Помогите мне снять эту штуковину со стены, хорошо?

Совместными усилиями они опустили картину на пол.

– И что теперь? – поинтересовалась Наоми.

– Давай ее перевернем, – сказал Хэл, отступая в гостиную. – И прислони ее к этой стене.

После этого они осмотрели обратную сторону холста, обнаружив в нижнем левом углу небольшую золотую табличку с надписью: «Интерьеры K&Z».

– Что это? – спросил Роджер.

– «Интерьеры K&Z», – прочла для него Наоми. – Тебя интересует дизайнер интерьеров?

Мебель для спальни была такой же одинаковой и безликой, каждый предмет – часть комплекта. Такой можно увидеть в дорогом отеле.

– Вряд ли это дизайнер интерьеров. – Хэл погуглил на смартфоне сайт компании.

– Ну что там?

– «Интерьеры K&Z», ведущая национальная постановочная компания, поможет вам продать дом быстрее и по более высокой цене.

– Постановочная компания? – повторил Роджер.

– Я слышала о таких, – сказала Наоми. – Они обставляют дома и квартиры, перед тем как выставить их на продажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.